

УИЛБУР СМИТ

ПОРОЧНЫЙ КРУГ

Абсолютная новинка от Уилбура Смита!

Гектор Кросс

Уилбур Смит
Порочный круг

«АСТ»

2013

Смит У.

Порочный круг / У. Смит — «АСТ», 2013 — (Гектор Кросс)

Респектабельный бизнесмен Гектор Кросс – человек с опасным прошлым. И однажды его прошлое возвращается, чтобы отобрать тех, кто для него дороже всего на свете, – жену и будущего ребенка. Закон не поможет найти и покарать преступников, укрывшихся в раздираемой гражданской войной Африке. Но Гектор Кросс не привык сдаваться. Ему вместе со старыми друзьями, бывшими наемниками, предстоит стать для преступников и судьями, и палачами... Охота начинается!..

© Смит У., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

65

Уилбур Смит

Порочный круг

Wilbur Smith
VICIOUS CIRCLE

© Wilbur Smith, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

* * *

Эту книгу я посвящаю своей жене Мохинисо. Прекрасная, любящая, верная и преданная, ты единственная в мире.

Несколько секунд он лежал, оценивая обстановку, определяя возможные угрозы – инстинкт солдата взял свое. Уловив ее тонкий аромат, услышав дыхание, тихое и мерное, как шорох прилива на пустынном берегу, он улыбнулся и открыл глаза. Осторожно повернул голову, чтобы не разбудить жену.

Утреннее солнце окутало лицо и фигуру женщины. Она лежала нагая, сбросив простыню, и выглядела отдохнувшей и прекрасной. Золотые завитки покрывали ее венерин холм. Она была на последних неделях беременности, живот почти вдвое больше обычного. Он окинул его взглядом. Кожа натянулась и блестела над драгоценным грузом, спрятанным под ней. Он увидел легкие движения ребенка в утробе, и у него перехватило дыхание от любви к ним обоим: к его женщине и к его ребенку.

– Перестань пялиться на мой большой толстый живот и поцелуй меня, – велела она, не открывая глаз. Он усмехнулся и наклонился к ней. Она обеими руками обняла его за шею, и, когда ее губы раскрылись, он почувствовал ее сладкое дыхание. Немного погодя она прошептала:

– Ты не можешь держать свое чудовище на привязи? – И потянулась рукой к его промежности. – Даже ему следует понять, что сейчас мест в гостинице нет.

– Убери руку, бесстыжая!

– Подожди пару недель, и я покажу тебе, что такое «бесстыжая», Гектор Кросс, – пригрозила она. – Позвони на кухню, пусть сварят кофе.

Пока ждали кофе, он встал и отдернул занавески, впуская солнце в комнату.

– Лебеди в мельничном пруду, – сообщил он. Она села, обеими руками поддерживая живот. Он сразу вернулся к ней и помог встать. Она взяла с кресла свой синий атласный халат, набросила, и они вместе подошли к окну.

– Я такая неуклюжая, – пожаловалась она, завязывая пояс. Он встал за ней и обеими руками осторожно обхватил ее живот.

– Кто-то опять толкается, – прошептал Гектор ей на ухо, потом осторожно прикусил мочку ее уха.

– Я чувствую себя большим футбольным мячом. – Она ласково погладила его по щеке.

Они молча смотрели на лебедей. Самец и самка в лучах раннего солнца казались ослепительно белыми, а трое молодых – грязновато-серыми. Самец изогнул длинную гибкую шею и погрузил голову в воду, чтобы добраться до водяных растений на дне пруда.

– Они прекрасны, правда? – спросил он наконец.

– Одна из многих причин моей любви к Англии, – прошептала Хейзел. – Какая замечательная картина. Надо заказать такую хорошему художнику.

Прозрачная вода переливалась в пруд через каменную плотину. Можно было заглянуть в нее и на глубине десять футов увидеть очертания форели, лежащей на дне, устланном мелкими камешками. Пруд окружали ивы, касавшиеся поверхности длинными косами. За прудом ярко зеленел луг, а на нем паслись овцы, белоснежные как лебеди.

– Прекрасное место, чтобы растить нашу малышку. Знаешь, ведь поэтому я его и купила.

– Знаю. Ты уже много раз говорила. А вот почему ты так уверена, что это девочка, не знаю. – Он погладил ее живот. – Не хочешь точно узнать пол, а не гадать?

– Я не гадаю. Я знаю, – уверенно ответила она и накрыла его большие смуглые руки своими.

– Спросим Алана, когда утром будем в Лондоне, – предложил он.

Алан Донован – гинеколог Хейзел.

– Ты ужасный зануда. Не смей спрашивать Алана, все удовольствие мне испортишь. Надень халат. Ты ведь не хочешь напугать бедную Мэри, когда она принесет кофе, – ласково сказала Хейзел.

Немного погодя в дверь тихо постучали.

– Войдите, – сказал Гектор. Вошла горничная с кофейным подносом.

– Доброе утро! Как вы и ваш маленький, миссис Кросс? – спросила она с чудесным ирландским акцентом и поставила поднос на стол.

– Все в порядке, Мэри, но, кажется, я вижу на подносе печенье? – спросила Хейзел.

– Всего три штучки.

– Пожалуйста, унеси.

– Две для хозяина и всего одна для вас. Чистый овес. Без сахара, – жалобно проговорила Мэри.

– Будь добра, Мэри, сделай так, как я прошу. Унеси.

– Бедный малыш, наверное, умирает с голоду, – проворчала Мэри, но взяла тарелку с печеньем и вышла. Хейзел села на диван и налила в чашку кофе, черного и такого крепкого, что его аромат заполнил всю комнату.

– Боже! Как вкусно пахнет, – печально сказала она, протягивая кофе. Потом налила в свою фарфоровую чашку теплого снятого молока без сахара.

– Фу! – с отвращением воскликнула она, пригубив молоко, но выпила его залпом, как лекарство. – Чем займешься, пока я буду у Алана? Это ведь не меньше двух часов. Он очень дотошен.

– Мне надо отвезти охотничьи ружья к Полу Робертсу на хранение, потом примерка у портного.

– Не будешь гонять на моем прекрасном «феррари» по Лондону в утренний час пик? Не хотелось бы, чтобы на нем появилась вмятина, как на «роллсе».

– Ты вечно будешь мне это припоминать? – Он в притворном гневе развел руками. – Та глупая баба поехала на красный свет и врезалась в меня.

– Ты страшно лихачишь, Кросс, и знаешь это.

– Хорошо, поеду по делам на такси, – пообещал он. – Не хочу, чтобы меня принимали за звезду футбола в твоей машине. Все равно меня ждет мой новый «рейнджровер». Стрэтстон вчера позвонил и сказал, что он готов. Если будешь паинькой – а мы все знаем, что ты паинька, – отвезу тебя на нем пообедать.

– Кстати об обеде, куда пойдем? – спросила она.

– Не знаю, зачем я суетился насчет обеда. Зеленый салат можно получить где угодно. Но я зарезервировал наш обычный столик в «Клубе Альфреда».

– Вот теперь я убедилась, что ты меня действительно любишь.

– Тебе лучше в это верить, худышка.

– Лесть! Лесть!

Она ангельски улыбнулась.

Красный «феррари-купе» Хейзел стоял у портика, закрывавшего парадную дверь. Автомобиль сверкал на солнце, как гигантский рубин. Роберт, шофер, любовно надраил его. Этот автомобиль был его фаворитом среди множества стоящих в гараже. Гектор помог Хейзел спуститься по ступенькам и сесть на водительское место. Когда она уместила свой большой живот в пространстве под рулем, Гектор помог правильно застегнуть ремень безопасности.

– Ты точно не хочешь, чтобы я вел? – заботливо спросил он.

– Ни за что, – ответила Хейзел. – После тех гадостей, что ты наговорил о ней? Никогда! – Она постучала по рулю. – Садись, поехали.

Дом отделяло от шоссе три четверти мили, но вся эта проходящая через поместье дорога была мощеной. Приближаясь к мосту через реку Тест, машина выписала петлю; открылся прекрасный вид на дом. Хейзел на мгновение притормозила. Она редко сопротивлялась соблазну полюбоваться тем, что скромно называла «красивейшим из существующих георгианских домов».

Брэндон-холл построил в 1752 году сэр Уильям Чемберс¹ для графа Брэндона (этот же архитектор построил Сомерсет-Хаус на Странде²). Когда его купила Хейзел, Брэндон-холл был заброшен и полуразрушен. При мысли о том, сколько денег она в него вложила, чтобы довести до совершенства, Гектора начинало трясти. Но он признавал – дом стильный, красивых очертаний. В прошлом году Хейзел заняла седьмое место в опубликованном журналом «Форбс» списке богатейших женщин мира. Она могла себе это позволить.

«И все-таки, господи помилуй – зачем женщине в здравом уме шестнадцать спален? Но к дьяволу расходы, рыбалка на реке замечательная. Стоит каждого потраченного доллара», – молча уговаривал себя Гектор.

– Поехали, милая, – сказал он. – Полюбуешься домом на обратном пути, а сейчас важно не опоздать на встречу с Аланом.

– Мне нравятся трудности, – ответила она, машина сорвалась с места, оставляя черные следы на асфальтовой поверхности и выплевывая облака светло-голубого дыма.

Без усилий заехав в подземный гараж под домом на Харли-стрит (чтобы дать ей место, Алан убрал свою машину), Хейзел взглянула на часы.

– Час сорок восемь! Кажется, на сегодня это мой личный рекорд. На пятнадцать минут раньше. Не хочешь забрать свои слова насчет моего опоздания обратно, умник?

– Однажды тебя засечет полицейский радар, и у тебя отберут права, милая.

– У меня американские права. Вежливые британские копы к ним и не притронутся.

Гектор проводил ее до кабинета Алана. Услышав голос Хейзел, Алан вышел из комнаты для консультаций – такое проявление уважения он позволял себе только перед особами королевской крови. Он остановился в дверях, восхищаясь. Облегающее платье Хейзел из мягкого хлопка с Южных островов было сшито специально по случаю беременности. Глаза ее сверкали, кожа сияла. Алан склонился к ее руке.

– Если бы все мои пациентки были такими образцово здоровыми, я остался бы без работы, – сказал он.

– Долго вы ее продержите, Алан?

Гектор пожал ему руку.

– Прекрасно понимаю, почему вы хотите быстрее вернуть ее себе.

---

¹ Уильям Чемберс (1723–1796) – шотландский архитектор, представитель классицизма в архитектуре. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Сомерсет-Хаус – большое здание на берегу Темзы в Лондоне; в нем помещается Управление налоговых сборов; построено в 1776–1786 годах. Странд – одна из главных улиц в центральной части Лондона.

Такая фривольность была несвойственна Алану, но Гектор лишь усмехнулся и повторил:
– Когда?

– Хочу провести несколько анализов и, возможно, посоветоваться с коллегами. Дайте мне два с половиной часа, Гектор.

Он взял Хейзел за руку и увел во внутренние помещения. Гектор наблюдал, как за ними закрылась дверь. Его ни с того ни с сего охватило предчувствие утраты – такое с ним бывало очень редко. Ему захотелось пойти за ней, вернуть, прижать к себе – навсегда. Потребовалось несколько долгих мгновений, чтобы он справился с собой.

«Не будь идиотом, Кросс. Возьми себя в руки».

Он вышел в коридор и направился к лифту.

Секретарь Алана Донована, красивая мулатка с большими темными сверкающими глазами и прекрасной фигурой, бесстрастно смотрела, как он уходит. Звали ее Виктория Вузамзулу, и было ей двадцать семь лет. В конце коридора остановился лифт, его двери открылись и закрылись за Гектором Кроссом, вошедшим в кабину. Тогда девушка достала из кармана халата свой мобильный телефон. Номер был внесен под именем «Он!». После первого же звонка она услышала щелчок на линии.

– Аллю! Это ты, Алеут?

– Я тебе говорил, сука, никаких имен!

Виктория вздрагивала, когда он так называл ее. Он такой властный. Не похож на мужчин, которых она знала раньше. Она невольно поднесла руку к левой груди. После того, что он сделал вчера ночью, на ее груди появился синяк и к ней больно притрагиваться.

– Прости. Забыла.

Голос ее стал хриплым.

– Тогда не забудь потом стереть этот разговор. Ну! Она пришла?

– Да, она здесь. Но ее муж вышел. Сказал доктору, что вернется в час тридцать.

– Ладно!

И связь оборвалась. Девушка вынула из уха микрофон и посмотрела на него. Она обнаружила, что с трудом дышит. Она думала о *нем*: какой он большой и твердый, когда находится внутри.

– Распалась, как сучка во время течки, – прошептала она.

Два часа спустя Гектор вернулся и занял кожаное кресло в приемной, лицом к двери кабинета Алана. Взял со столика номер «Файнэншл таймс» и принялся изучать «футси»³. Но не успел их просмотреть – на столе секретарши зазвонил телефон. Она негромко сказала что-то и повесила трубку.

– Мистер Кросс, – обратилась она к нему. – Мистер Донован хочет переговорить с вами. Пожалуйста, пройдите в его кабинет.

Гектор бросил газету и вскочил. Его снова охватила тревога. За минувшие годы он научился доверять своему чутью. Что за ужасная новость ждет его у Алана? Он торопливо пересек приемную и постучал в дверь кабинета. Приглушенный голос Алана пригласил его внутрь. Кабинет, где проводились консультации, был отделан дубом, вдоль стен тянулись полки с переплетенными в кожу томами медицинских книг. За старинным столом сидел Алан, Хейзел – перед ним. Когда Гектор вошел, Хейзел встала и пошла ему навстречу, неся перед собой большой живот. Она радостно улыбалась, и это развеяло тяжелые предчувствия Гектора. Он обнял ее.

---

³ Футси – индекс британской фондовой биржи.

– Все в порядке? – спросил он и поверх сверкающих светлых волос Хейзел посмотрел на Алана.

– Все в порядке! Спокойное море и попутный ветер! – заверил Алан. – Присядьте.

Они сели и внимательно посмотрели на врача. Он снял очки и стал протирать их кусочком замши.

– Ну ладно, выкладывайте! – подтолкнул его Гектор.

– Ребенок в порядке, но Хейзел уже не молода.

– Мы оба немолоды, – согласился Гектор. – Очень любезно с вашей стороны напоминать об этом, Алан.

– Ребенок готов выйти в мир, но, возможно, Хейзел понадобится помощь.

– Кесарево сечение? – с тревогой спросила она.

– О боже, нет! – заверил Алан. – Никаких крайностей! Я имел в виду стимуляцию родов.

– Объясните, пожалуйста, Алан, – попросил Гектор.

– Хейзел на сороковой неделе беременности. Она будет готова рожать к концу будущей недели. Вы вдвоем торчите в хэмпширской глуши. Сколько времени вам требуется, чтобы добраться до Лондона?

– Два с половиной часа нормальной езды. Некоторые, те, что рулят одной правой, добираются меньше чем за два часа.

Хейзел состроила гримасу.

– Я хочу, чтобы вы немедленно переселились в ваш городской дом в Белгравии. – Алан не раз обедал у них в этом доме. – Я запишу Хейзел в отдельную палату в Портлендский родильный дом на Грейт-Портленд-стрит на этот четверг. Если роды начнутся до четверга, вы будете всего в пятнадцати минутах от больницы. Если до пятницы ничего не произойдет, я сделаю Хейзел небольшую инъекцию, и ребенок появится сам.

Гектор повернулся к Хейзел.

– Что думаешь, дорогая?

– Подходит. Я считаю, чем быстрее, тем лучше. В лондонском доме все готово. Нужно только прихватить всякие мелочи и книгу, которую я читаю, и мы сможем завтра вернуться в город.

– Договорились, – решительно сказал Алан и встал из-за стола. – Увидимся в крайнем случае в пятницу.

На обратном пути Хейзел остановилась перед столом секретарши и порылась в сумочке. Достала завернутый в подарочную бумагу флакон «Шанель» и поставила перед девушкой.

– Небольшая благодарность вам, Виктория. Вы всегда такая милая.

– О, вы очень добры, миссис Кросс. Это лишнее!

Когда спускались в лифте, Хейзел спросила:

– Забрал свой «рейнджровер» у Стэтстона?

– Я его припарковал через улицу. Поедем на нем обедать, потом вернемся и заберем твою ржавую жестянку.

Она ущипнула его за плечо, и они вышли из здания.

Гектор взял ее за руку, чтобы перевести через Харли-стрит, и таксисты, подъезжавшие с обеих сторон, затормозили при виде такой красивой беременной женщины. Один с улыбкой открыл окно, знаком велел им проходить и сказал:

– Удачи, милая. Ручаюсь, это будет мальчик!

Хейзел помахала ему:

– Я тебе сообщу.

Они не заметили мотоцикл, стоявший на улице в ста ярдах от них. Водитель и пассажир были в перчатках и в шлемах, в темных очках, закрывавших лица. Когда Хейзел и Гектор подошли к «роверу», мотоциклист нажал на стартер, и мощная японская машина ожила.

Пассажир поставил ноги на подножки, готовый ехать. Гектор открыл пассажирскую дверцу и помог Хейзел сесть. Потом быстро обошел машину, сел на место водителя, включил двигатель и влился в уличное движение. Мотоциклист ждал, пока между ними не оказалось пять машин, и тогда последовал за «ровером». Он старался держаться незаметно. Они миновали Марбл-Арч и проехали до Беркли-сквер. Когда «ровер» остановился перед домом номер 2 по Дэвис-стрит, мотоциклист проехал мимо и свернул налево на первом же перекрестке. Он объехал квартал и остановился так, чтобы видеть вход в «Клуб Альфреда».

Марио, администратор ресторана, радостно улыбаясь, ждал их у входа.

– Добро пожаловать, мистер и миссис Кросс, давненько вы к нам не заглядывали!

– Взор, Марио, – возразил Гектор. – Десять дней назад мы обедали здесь с лордом Ренвиком.

– Это было давно, сэр, – возразил Марио и провел их к их любимому столику.

Когда они шли через ресторан, в зале повисла тишина. Все смотрели на них. Даже на последних неделях беременности Хейзел выглядела потрясающе. Тонкая юбка Хейзел вздымалась розовым облаком, а сумочка из крокодиловой кожи в руке была из тех, что заставляют остальных женщин задуматься о самоубийстве.

Марио помог ей сесть и поинтересовался:

– Могу ли я предложить мадам грейпфрутовый салат и жареный сен-жак⁴? А вам, мистер Кросс, как обычно, стейк по-татарски, хорошо прожаренный, и омара под соусом шардоне?

– Как обычно, Марио, – серьезно согласился Гектор. – Напитки: миссис Кросс – небольшую бутылку «Перье» на льду. Прихватите бутылку «Вон-Романе о Мальконсор» 1993 года из моего личного запаса.

– Я уже позволил себе сделать это, мистер Кросс. Пятнадцать минут назад я проверил температуру бутылки – 16 градусов по Цельсию. Попросить сомелье открыть вино?

– Спасибо, Марио. Я знаю, что на вас всегда можно положиться.

– Мы работаем для вас, сэр.

Когда администратор отошел, Хейзел через стол положила Гектору руку на предплечье.

– Мне нравятся ваши маленькие ритуалы, мистер Кросс. Меня они почему-то очень успокаивают. – Она улыбнулась. – Кайлу они тоже забавляли. Помнишь, как мы смеялись, когда она передразнивала тебя?

– Яблоко от яблони, – улыбнулся Гектор.

Было время, когда Хейзел не могла произнести вслух имя Кайлы – после того как Кайлу жестоко убили и прислали ей голову. До того как Хейзел узнала, что у нее будет ребенок от Гектора. Тогда наступил катарсис, Хейзел плакала в его объятиях, твердя имя дочери: «Кайла! У нас будет новая маленькая Кайла». После этого душевные раны стали быстро заживать, и она смогла часто и легко говорить о Кайле.

Она и сейчас хотела о ней говорить, и, когда сомелье принес ее «Перье», Хейзел сделала глоток и спросила:

– Как думаешь, у Кэтрин Кайлы Кросс тоже будут светлые волосы и голубые глаза, как у ее старшей сестры?

Она уже выбрала ребенку имя в честь погибшей сестры.

– У ребенка, наверное, будет такая же черная щетина на подбородке, как у его отца, – поддразнил Гектор. Он тоже любил убитую девушку. Именно Кайла стала тем магнитом, который притянул их друг к другу вопреки всем препятствиям. Гектор возглавлял службу безопасности «Бэннок ойл», когда Хейзел унаследовала от покойного мужа компанию.

---

⁴ Сен-жак – блюдо из гребешков.

Сначала Хейзел невзлюбила Гектора, хотя его взял на работу ее любимый и почитаемый покойный муж. Она внимательно изучила досье Гектора, знала о его репутации, и ее отталкивала жестокая тактика, которую он использовал, защищая имущество и сотрудников компании от опасностей. Он был солдатом и сражался как солдат, не проявляя милосердия. Все это противоречило нежной женской натуре Хейзел. При первой же встрече она предупредила Гектора, что ищет малейший предлог, чтобы его уволить.

А потом жизнь избалованной, изнеженной Хейзел превратилось в кошмар. Африканские пираты похитили ее единственную дочь – смысл существования. Хейзел использовала все свои средства, все связи в высших кругах, пытаясь освободить ее. Никто не смог ей помочь, даже президент Соединенных Штатов со всей его властью. Не сумели даже выяснить, где держат Кайлу. Обезумевшая Хейзел отбросила гордость и обратилась к жестокому, грубому и безжалостному солдату, которого ненавидела и презирала, – к Гектору Кроссу.

Гектор выследил похитителей до их крепости в сердце Африки, где держали Кайлу. Похитители жестоко обращались с ней. Гектор со своими людьми освободил девушку и при этом продемонстрировал Хейзел, что он порядочный человек, которому можно безоговорочно доверять. Она поддалась тяге к Гектору, которую прежде старательно подавляла, а, сблизившись с ним, поняла, что под внешней броней скрывается теплое, нежное, любящее сердце.

Сейчас она посмотрела на него и взяла за руку.

– Теперь, когда ты рядом со мной, а Кэтрин Кайла во мне, все опять прекрасно.

– И так будет всегда, – ответил он и почувствовал, как холодок пробежал по спине: Гектор понял, что искушает судьбу. Нежно улыбаясь Хейзел, он вспомнил, что освобождением Кайлы дело не закончилось. Фанатики, похитившие ее, не сдались. Их наемные убийцы вернулись, убили Кайлу и прислали Хейзел ее отрубленную голову. Хейзел и Гектору пришлось вновь вступить в бой и уничтожить чудовище, которое разрушало их жизнь.

«Может, сейчас все действительно закончилось», – подумал Гектор, глядя в лицо Хейзел. А она продолжала говорить о Кайле.

– Помнишь, как ты учил ее рыбачить?

– Она была прирожденной рыбачкой. Немного подучившись, могла в самый сильный ветер забрасывать удочку на сто пятьдесят футов и чутьем понимала, какая нынче вода.

– А помнишь огромного лосося, которого вы поймали в Норвегии?

– Да, настоящее чудовище. Я держал Кайлу за талию, а рыба едва не утащила нас обоих в воду.

Гектор усмехнулся.

– Никогда не забуду день, когда она объявила, что станет не арт-дилером, как я планировала, а ветеринаром. Меня чуть удар не хватил.

– Это было гадко с ее стороны, – сделав строгое лицо, изрек Гектор.

– Гадко? Это ты был гадким! Ты все время ее поддерживал. Вы оба меня уговорили.

– Вот еще! – сказал Гектор. – Она дурно на меня влияла.

– Она тебя любила. Ты это знаешь. Любила, как отца.

– Одна из самых приятных похвал.

– Ты славный человек, Гектор Кросс. – На глазах Хейзел были слезы. – Кэтрин Кайла тоже будет тебя любить. Все три твои девочки тебя любят. – Она вдруг ахнула и схватилась за живот. – Боже мой! Она лягается, как мул. Очевидно, согласна с тем, что я сказала.

Они рассмеялись, и посетители за другими столиками, улыбаясь, посмотрели на них. Но они словно были одни в зале, полностью поглощенные друг другом.

Им столько нужно вспомнить и обсудить! У обоих жизнь наполняли стремление и упорство. Оба познали грандиозные триумфы и страшные поражения, но жизненный путь Хейзел был куда великолепнее. Начиная она, располагая всего лишь умом и решительностью. В девятнадцать выиграла свой первый профессиональный турнир Большого Шлема. В двадцать

один – вышла за нефтяного магната Генри Бэннока и родила ему дочь. Генри умер, когда Хейзел едва исполнилось тридцать, и оставил ей контроль над корпорацией «Бэннок ойл».

Мир бизнеса – замкнутая территория. Здесь не приветствуют новичков и выскочек. Никто не ставил на теннисистку и светскую львицу, ставшую нефтяной баронессой. Но никто при этом не учел прирожденную деловую хватку Хейзел и годы ее учебы у Бэннока, стоившие сотни дипломов управленца. Точно зрители в римском цирке, ее клеветники и критики нетерпеливо ждали, когда же ее сожрут львы. А потом, к всеобщей досаде, Хейзел приобрела месторождение «Зара № 8».

Гектор прекрасно помнил обложку журнала «Форбс»: Хейзел была сфотографирована в белой теннисной юбочке, в правой руке ракетка. Подпись под снимком гласила: «Хейзел Бэннок громит противников. Богатейшее из месторождений, найденных за 30 лет».

В статье говорилось о заброшенной нефтяной концессии в глуши нищего, богом забытого эмирата Абу-Зара. Ею когда-то владела компания «Шелл»; сразу после Второй мировой войны «Шелл» досуха выкачала нефть из месторождения и забросила истощившуюся концессию. И очень надолго о ней позабыли.

Потом ее за жалкий миллион долларов перекупила Хейзел; мудрецы подталкивали друг друга и усмехались. Не обращая внимания на протесты советников, Хейзел потратила много миллионов на бурение скважин в районе небольшой подземной аномалии на северном краю нефтяного поля; довольно примитивные исследования тридцатилетней давности вылились в заключение, что эта аномалия – небольшой второстепенный резервуар. Геологи в те годы в один голос утверждали, что вся нефть, какая могла залегать в этой аномалии, давно перетекла в главный резервуар и была выкачана, а поле осталось сухим и бесполезным.

Однако когда бурильщики Хейзел пробили непроницаемый соляной купол, под которым таилась обширная подземная полость с главными запасами нефти, газ под огромным давлением вырвался из скважины с такой силой, что выдавил почти восемь километров стальных труб, как пасту из тубика, и поле взорвалось. На сотни футов в небо поднялся фонтан высококачественной сырой нефти. И стало ясно, что семь предыдущих месторождений Зары, брошенных «Шелл», – лишь малая часть всего объема.

Эти воспоминания еще более сблизили их за обеденным столом; они много раз возвращались к ним, но всегда открывали что-то новое, загадочное. В какой-то момент Гектор восхищенно покачал головой.

– Боже мой, женщина! Неужели в жизни тебя ничего не пугало? Ты все это проделала одна!

Она искоса взглянула на него и улыбнулась.

– Понимаешь, жизнь не должна быть легкой; будь она легкой, мы бы ее не ценили. Но хватит обо мне. Поговорим о тебе.

– Обо мне ты знаешь все, что нужно знать. Я уже пятьдесят раз тебе рассказывал.

– Хорошо, пусть будет пятьдесят первый. Расскажи мне, как ты убил льва. Со всеми подробностями. Берегись. Я узнаю, если ты что-нибудь пропустишь.

– Хорошо, начинаю. Я родился в Кении, но мой отец и дед были британцами, так что я подлинный гражданин Великобритании.

Он помолчал.

– Их звали Боб и Шейла... – подгоняла она.

– Их звали Боб и Шейла Кросс. Мой отец владел почти двадцатью пятью тысячами гектаров пастбищ, примыкающих к племенной резервации масаи. На этих землях мы содержали две тысячи голов первоклассного скота. И в детстве моими товарищами были масаи – мои ровесники.

– И, конечно, твой младший брат, – подсказала Хейзел.

– Да, мой младший брат Тедди. Он хотел стать владельцем ранчо, как отец. И пошел бы на все, только бы угодить старику. С другой стороны, я хотел стать солдатом, как дядя, который погиб в пустынях Северной Африки, сражаясь с Роммелем под Эль-Аламейном. День, когда отец отправил меня в Найроби, в Школу герцога Йоркского, стал самым тяжелым испытанием в моей жизни.

– Ты ненавидел школу?

– Я ненавидел правила и ограничения. Привык бегать на свободе, – сказал он.

– Да ты бунтарь.

– Отец назвал меня бунтарем и добавил: «Чертов дикарь». Но с улыбкой. Тем не менее я был третьим по успеваемости в классе, а в последний год обучения стал капитаном школьной команды регбистов. Мне этого было достаточно. Мне тогда исполнилось шестнадцать.

– Год твоего льва! – Хейзел наклонилась над столом и взяла его за руку, глаза ее горели в ожидании. – Мне нравится эта часть. Первая слишком мирная. Понимаешь, мало крови и кишок.

– Мои товарищи масаи выросли. Я пошел в деревню и поговорил с вождем. Сказал, что хочу вместе с ними стать морани. Воином.

Она кивнула.

– Вождь выслушал меня. И ответил, что я не настоящий воин масаи, потому что не обрзан. Он спросил, согласен ли я, чтобы меня обрезал туземный знахарь. Я подумал и отказался.

– И правильно сделал, – сказала Хейзел. – Предпочитаю твой свисток в том виде, в каком его создал Господь.

– Приятно слышать. Но вернемся к истории моей жизни; я обсудил этот отказ с товарищами, и они расстроились почти так же, как я. Мы целыми днями спорили об этом, и в конце концов они решили, что если я и не могу стать подлинным морани, то, убив льва, стану морани более чем наполовину.

– Но тут возникла одна сложность, правда? – напомнила она.

– Сложность заключалась в том, что правительство Кении, в котором масаи почти не представлены, запретила львиную церемонию посвящения в мужчины. По всей стране львов тщательно охраняют.

– Но тут произошло божественное вмешательство, – сказала Хейзел, и Гектор улыбнулся.

– Прямоком с неба, – согласился он. – В национальном парке масаи «Мара», который примыкает к племенным землям, более молодой и сильный соперник изгнал из прайда старого льва. Без львицы, которая гнала бы к нему добычу, тому пришлось покинуть безопасный парк и искать более легкую добычу, чем зебры и дикие звери. И он начал охотиться на стада племени, составлявшие главное богатство масаи. Это было достаточно скверно, но лев убил еще и молодую женщину, которая пошла к источнику за водой для семьи.

К радости и волнению моих друзей-масаи, правительственный департамент живой природы вынужден был выдать лицензию на уничтожение старого разбойника. Благодаря прочным связям с племенем, возникшим за эти годы, и благодаря тому, что я был рослым и сильным и старейшины знали, как много я упражнялся с дубинками и боевым копьем, меня пригласили принять участие в охоте вместе с другими молодыми кандидатами из масаи.

Гектор замолчал, дожидаясь, чтобы сомелье долил красного вина в его бокал и воды «Перье» в стакан Хейзел. Гектор поблагодарил его и пригубил бургундское, прежде чем продолжить.

– Лев целую неделю никого не убивал и не ел, и мы с нетерпением ждали, когда голод заставит его снова начать охоту. На шестой вечер, когда свет уже убывал, в деревню с радостной новостью прибежали двое голых мальчишек, пастухи. Они вели стадо на водопой, и лев подстерег их в засаде. Он прятался в траве у идущей вниз тропы и выскочил примерно в десяти шагах от мальчиков. Прежде чем стадо разбежалось, он прыгнул на спину стельной корове-

пятилетке. Он вонзил зубы ей в шею, а когти одной лапы – в морду. Потом, не выпуская шею коровы, что было сил – а было их немало – потянул. С треском лопнули шейные позвонки, и корова мгновенно издохла. Передние ноги ее подогнулись, и она упала мордой вперед, подняв облако пыли. Лев отскочил раньше, чем его придавили бы полторы тысячи фунтов ее туши.

– Никак не могу поверить, что так легко убить большое животное, – со страхом сказала Хейзел.

– Он не просто убил: он схватил тушу своими мощными челюстями и утащил в траву, держа ее так высоко, что по земле волочились только копыта.

– Продолжай! – попросила она. – Не отвлекайся на мои глупые вопросы. Рассказывай.

– Уже стемнело, так что пришлось ждать рассвета. Мы сидели вокруг костра, и старейшины рассказывали, чего нам ждать, когда мы приблизимся к добыче старого льва. Мы не смеялись и разговаривали тихо. Было еще темно, когда мы в предрассветном холоде накинули черные плащи из козьих шкур. Под плащами мы были голые. Вооружились мы щитами из шкур и короткими копьями, которые наточили так, что могли лезвием сбрить волосы на предплечье. Нас было тридцать два человека – тридцать два брата. И на рассвете мы с песней пошли навстречу льву.

– Но лев мог насторожиться и убеждать, – сказала Хейзел.

– Нужно нечто гораздо большее, чтобы отогнать льва от добычи, – ответил Гектор. – Мы пели песню вызова. Вызывали льва на бой. И, конечно, старались укрепить свою храбрость. Мы пели и танцевали, чтобы разогреть кровь. Мы рассекали копьями воздух, чтобы размять мышцы рук. За нами в отдалении шли молодые незамужние девушки: они хотели видеть, кто устоит против льва, а кто обратится в бегство, когда лев во всей его мощи ответит на наш вызов.

Хейзел, десятки раз слышавшая эту историю, так внимательно смотрела на Гектора, словно он рассказывал ее впервые.

– Над горизонтом показалось солнце, яркое, как расплавленный металл из печи. Оно светило нам в лица, слепило. Но мы знали, где найдем нашего льва. Мы видели, как шевелятся верхушки травы, хотя ветра не было, а потом слышали рев. Этот ужасный звук бьет прямо в сердце, в нутро. Ноги у нас подкосились, каждый шаг в танце, пока мы шли навстречу льву, требовал огромных усилий.

И вот перед нами поднялся лев, до того лежавший за тушей коровы. Грива его встала дыбом, образовав величественную корону вокруг головы. Лев, черный, стоял против солнца, и его корона горела золотом. Он словно увеличился вдвое. Лев заревел. Его громовой рык пронесся над нами, и наши голоса на мгновение дрогнули. Но вот мы взяли себя в руки и закричали: выбирай противника, выходи сражаться! Наши фланги начали изгибаться, окружая его, не оставляя возможности для бегства. Он медленно поворачивал голову из стороны в сторону, глядя, как мы приближаемся.

– О боже! – выдохнула Хейзел. – Я знаю, что произойдет, но все равно страшно волнуюсь.

– Но вот он перестал вертеть головой и принялся хлестать хвостом – его черной кисточкой лев бил себя по бокам. Я находился в центре шеренги и достаточно близко, чтобы отчетливо видеть глаза зверя. Они горели желтым и смотрели прямо на меня.

– Почему на тебя, Гектор? Почему на тебя, дорогой?

Она покачала головой, на лице ее появилось выражение ужаса, как будто все это происходило прямо у нее на глазах.

– Бог весть, – пожал он плечами. – Может, потому что я был в центре, но скорее потому, что мое белое тело светилось среди окружавших меня темных тел.

– Продолжай! – потребовала она. – Расскажи, чем все кончилось.

– Лев присел, готовясь к прыжку. Хвост его перестал ходить из стороны в сторону. Он держал его прямо за собой, вытянув и чуть изогнув. Потом хвост дважды дернулся, и лев

кинулся прямо ко мне. Он прижимался к земле и двигался быстро, как рыжая полоска солнца, невесомая, но смертоносная.

В эти микросекунды я понял, что такое настоящий ужас. Время замедлилось. Воздух словно стал густым и тяжелым, им трудно было дышать. Я как будто застрял в густой грязи болота. Каждое движение требовало усилий. Я знал, что кричу, но звуки доносились словно откуда-то издалека. Я подобрался, загораживаясь щитом, и поднял острие копья. Солнце, отразившись в металле, светило мне в глаза. Лев рос передо мной, пока не заполнил все поле зрения. Я нацелил копье в центр его раздувавшейся точно кузнечные меха груди. Он оглушал меня своей убийственной яростью, могучими звуками, словно на меня полным ходом летел паровоз.

Я собрался с силами. И в последнее мгновение перед тем, как лев всей тяжестью обрушился на мой щит, я подался вперед и поймал его на острие копья. Всю свою силу, все порывство я вложил в это движение, вогнав копье ему в грудь так глубоко, что не только острие, но и половина древка ушли в тело. Лев уже умирал, когда сшиб меня на землю, навалился и стал когтями рвать щит, ревом выражая гнев и боль.

Хейзел содрогнулась от нарисованной им картины.

– Это ужасно! У меня мурашки бегут по рукам. Но не останавливайся. Продолжай, Гектор. Расскажи, чем все кончилось.

– Внезапно лев застыл и изогнул спину. Широко раскрыв пасть, он выбросил поток сердечной крови прямо на меня, залив голову и всего меня до пояса; потом мои товарищи оттащили его и сотни раз ударили копьями.

– Меня приводит в ужас мысль о том, как еще все это могло закончиться, – сказала Хейзел. – Мы могли никогда не встретиться, не разделить все то, что у нас есть. Расскажи теперь, что сказал твой отец, когда ты в тот день вернулся на ранчо, – потребовала она.

– Я поехал назад, к большому, крытому тростником дому на ранчо, но добрался туда уже после полудня. Наша семья обедала на веранде перед домом. Я привязал лошадь к столбу и медленно поднялся по ступеням веранды. Моя эйфория рассеялась, когда я увидел лица за столом. Я понял, что забыл умыться. Львиная кровь засохла у меня на волосах и на коже. Лицо превратилось в маску из свернувшейся крови. Кровь покрывала мою одежду, от нее почернели руки, она забилась под ногти.

Ужасающее молчание нарушил мой младший брат Тедди. Он хихикнул, как школьница. Тедди часто хихикал. Тут мать заплакала и закрыла лицо руками: она знала, что собирается сказать отец.

Отец встал, выпрямился во все свои шесть футов два дюйма, и лицо его потемнело и исказилось от гнева. Он что-то невнятно пробормотал. Потом его лицо изменилось, и он зло-веще сказал:

– Ты был с этими дикарями, со своими друзьями, чтобы им пусто было? Верно, сын?

– Да, сэр, – ответил я.

Я всегда обращался к отцу «сэр» и никогда «папа», тем более «папочка».

– Да, сэр, – повторил я, и выражение его лица вдруг снова изменилось.

– Ты убил своего льва, как эти проклятые морани у масаи. Так?

– Да, сэр, – сознался я, и мама снова разрыдалась. Отец долго смотрел на меня со странным выражением, а я стоял перед ним, вытянувшись в струнку. Потом он снова заговорил:

– Ты выстоял или убежал?

– Выстоял, сэр.

Снова долгое молчание. Потом он наконец сказал:

– Иди к себе, умойся. Потом придешь в мой кабинет.

Это обычно означало смертный приговор или по крайней мере сто ударов хлыстом.

– И что же случилось? – спросила Хейзел, хотя хорошо это знала.

– Когда немного погодя я постучался в его кабинет, я был в школьном пиджаке и в белой рубашке с галстуком. Я начистил ботинки и расчесал влажные волосы.

– Зайди! – рявкнул он.

Я вошел и остановился перед его столом.

– Ты чертов дикарь, – решительно сказал он. – Абсолютно нецивилизованный дикарь. Я вижу для тебя только один выход.

– Да, сэр.

Внутренне я дрогнул: мне казалось, я знал, что приближается.

– Садись, Гектор.

Он показал на кресло у стола. Это меня потрясло. Я никогда не сидел в этом кресле и не мог вспомнить, когда он в последний раз называл меня «Гектор», а не «парень».

Когда я сел, держась прямо, словно проглотил жердь, он продолжил.

– Ты никогда не станешь владельцем ранчо, правда, Гектор?

– Я сомневаюсь в этом, сэр.

– Ранчо должно было достаться тебе, ведь ты старший сын. Но теперь я оставляю его Тедди.

– Желаю Тедди насладиться им, сэр.

Он слегка улыбнулся.

– Конечно, долго он им владеть не будет, – сказал старик и сразу перестал улыбаться. – Очень скоро нас всех выгонят прежние владельцы этой земли, у которых мы ее украли. В конечном счете Африка всегда побеждает.

Я молчал, не зная, что сказать.

– Но ты, юный Гектор, что нам делать с тобой? – И снова у меня не нашлось ответа, я продолжал молчать. Я давно понял, что это самое безопасное. А он продолжил говорить: – В глубине души ты всегда останешься дикарем, Гектор. Но это не слишком большой недостаток. Большинство наших почитаемых английских героев, от Клайва до Китченера, от Веллингтона⁵ до Черчилля, были дикарями. Без них никогда бы не возникла Британская империя. Но я хочу, чтобы ты стал образованным и воспитанным английским дикарем, поэтому отправляю тебя в Сандхерст, в Королевскую военную академию. Научишься выколачивать душу из всех прочих народов земли.

Хейзел рассмеялась и захлопала в ладоши.

– Какой замечательный человек! Он просто возмутителен.

– Он был страшный хвастун, но это на первый взгляд. Он хотел, чтобы его считали суровым и не уступчивым. Но под этой личиной таился добрый и порядочный человек. Я думаю, он меня любил; я его просто обожествлял.

– Я бы хотела с ним познакомиться, – задумчиво сказала Хейзел.

– Наверное, хорошо, что этого не случилось, – заверил Гектор. Потом повернулся к Марио, который вежливо кашлянул.

– Что-нибудь еще, мистер Кросс?

Гектор посмотрел на администратора ресторана так, словно видел его впервые. Потом моргнул и осмотрелся: зал был пуст, лишь пара скользящих официантов стояла у входа в кухню.

– Который час?

– Начало пятого, сэр.

– Почему вы нас не предупредили?

– Вы с миссис Кросс так увлеклись беседой, что я не решился, сэр.

---

⁵ Роберт Клайв (1725–1774) – британский генерал и чиновник, утвердивший господство Британской Ост-Индской компании в Южной Индии и в Бенгалии. Горацио Герберт Китченер, 1-й граф Китченер (1850–1916) – английский военный деятель, который руководил взятием Омдурмана в 1895 году. Артур Уэлсли Веллингтон (1769–1852) – английский полководец, государственный деятель и дипломат, фельдмаршал (1813).

Гектор оставил для него на столе пятидесятифунтовую банкноту и провел Хейзел ко входу, куда привратник уже подал «ровер» с работающим двигателем. Когда доехали до Харли-стрит, Гектор заехал в подземный гараж дома Алана и помог Хейзел пересест в «феррари».

– Теперь, моя царица пчел, помни, что я еду за тобой и что это не гонки. Время от времени посматривай в зеркало заднего вида.

– Перестань суетиться, дорогой.

– Только если ты меня поцелуешь.

– Иди сюда.

Дожидаюсь, пока Хейзел выедет из гаража, Гектор надел пару мягких кожаных шоферских перчаток и потом последовал за «феррари» вверх по пандусу. Мотоциклист, ехавший за ними, укрывался за другими машинами, пока они пробирались по узким улицам города и наконец выехали на шоссе М-3. Он не хотел чересчур сокращать разрыв, чтобы не насторожить добычу. Он хорошо знал, куда они направляются. К тому же его предупредили, что мужчина очень опасен, с ним не стоит связываться. Он начнет действовать гораздо позже, когда они проедут Винчестер. Время от времени он что-то говорил в микрофон, укрепленный на шлеме, докладывая о продвижении двух машин перед ним. Принимающая станция всякий раз щелчком подтверждала получение информации.

В двухстах ярдах перед мотоциклистом Гектор одним пальцем выстукивал по рулю мелодию. Он настроился на свою любимую станцию – «Мэджикрадио». Дон Маклин исполнял «Американский пирог», и Гектор подпевал. Эту песню он знал наизусть. Тем не менее он не ослаблял бдительность. Каждые несколько секунд его взгляд устремлялся к зеркалу заднего вида, Гектор разглядывал идущие за ним машины. Они постоянно менялись, но он все их запоминал. Одно из его любимых изречений гласило: «Всегда следи за своим хвостом». Перед самым Бейзингстоком поток автомобилей поредел, и Хейзел на «феррари» ушла вперед. Гектору пришлось разгонять «ровер» почти до ста двадцати миль в час, чтобы не потерять ее из виду.

Он позвонил ей по мобильному:

– Полегче, любимая. Помни, с тобой едет очень важный пассажир.

Она послала ему громкий воздушный поцелуй, но немного сбросила скорость, почти до разрешенной.

– Ты можешь быть очень хорошей девочкой, когда постараться, – сказал он и тоже сбросил скорость, чтобы не обгонять ее.

«Приближаемся к Девятой развязке, красная машина по-прежнему впереди. Повернула на объездную дорогу вокруг Винчестера. Черная машина по-прежнему за ней».

Мотоциклист произнес это в микрофон, и принимающая станция щелчком подтвердила получение сведений.

Все в том же строю Хейзел начала объезд древнего, выросшего вокруг собора, города Винчестера, некогда столицы и крепости короля Альфреда Великого. Время от времени Гектор видел шпиль собора, поднимавшийся над остальными зданиями. Город остался позади. Красный «феррари» перед Гектором замедлил ход на повороте у дорожного знака «Смоллбридж-на-Тесте» и «Брэндон-холл». Поворачивая следом за Хейзел, Гектор заметил на обочине двух дорожных рабочих. Одеты в желтые, видные издали куртки с надписью на спине «Британские дороги», они выгружали из припаркованного грузовика металлическую решетку. Гектор не обратил на них внимания, он смотрел вперед, на уходящий «феррари». Насколько он мог видеть, на узкой дороге, кроме красной машины, никого не было.

Менее чем через минуту мотоциклист и его пассажир тоже свернули к Смоллбриджу. Проезжая мимо рабочих, байкер поднял руку в перчатке, и они тут же начали лихорадочную деятельность. Быстро вытащили металлическую решетку и поставили ее поперек дороги, пере-

крыв обе полосы. Потом водрузили большой черно-желтый знак с надписью «Дорога закрыта. Объезд».

Большая черная стрела, указывающая на объезд, сразу отрезала Хейзел, Гектора и мотоциклистов от остального мира. Псевдорабочие сели в грузовик и уехали. Они выполнили свою работу, за которую им заплатили.

Гектор, взглянув в зеркало, увидел в двухстах ярдах за собой только мотоцикл – и сосредоточился на дороге впереди. По обеим сторонам тянулась зеленая холмистая местность, кое-где темнели рощи. Отдельные деревья росли у самой дороги, которая вилась, поднимаясь в холмы. Дорога сузилась до двух полос. Даже Хейзел пришлось сбросить скорость.

– Обе машины вошли в демаркационную зону, – сказал мотоциклист, и на этот раз ему ответили:

– Принято, станция один. Хорошо вижу вас и обе цели.

Вдруг на асфальтовую дорогу между мотоциклом и «ровером» Гектора с проселка выехала еще одна машина. Она пряталась за деревьями, пока Гектор не проехал мимо. Это был большой фургон «мерседес-бенц» с левым рулем и французским регистрационным номером. Никаких иных обозначений не было. Мотоциклист ускорил движение и оказался в двадцати футах от заднего бампера «мерседеса».

«Ровер» Гектора исчез за очередным подъемом. Когда «мерседес» и мотоцикл одолели тот же подъем, они увидели, что дорога впереди спускается в неглубокую долину и там проходит между насыпями, за которыми с обеих сторон расстилается болотистая местность. Гектор как раз въезжал на узкий участок между насыпями, а перед ним красный «феррари» уже поднимался на невысокий холм по другую сторону долины. Шофер «мерседеса» довольно улыбался. Ловушка сработала великолепно. Он нажал на газ и понесся к насыпям. Догоняя Гектора, он посигналил. Гектор посмотрел в зеркало заднего вида.

«Откуда выскочил этот наглый ублюдок?»

Он удивился. Когда он оглядывался в последний раз, никакого фургона не было.

Тем не менее Гектор понял, что дорога слишком узка, две машины на ней едва разъедутся, и невольно сбросил скорость, пропуская нахала. Тот промчался мимо в считанных дюймах от Гектора.

За какую-то долю секунды Гектор поравнялся с фургоном. Как он догадался по французскому номеру, машина была леворульная. Водитель фургона посмотрел прямо на него. Гектор поразился: на лице у того была резиновая маска президента Никсона. Левая рука водителя лежала вдоль открытого бокового окна фургона. Мускулистая рука с маленькой красной татуировкой на темной коже.

Вслед за фургоном, почти касаясь передним колесом его заднего бампера, пролетел черный мотоцикл «Хонда-Кроссраннер» с двумя пригнувшимися ездоками. Оба были в шлемах с темными визорами, закрывавшими лица, и в черных куртках.

На дальнем конце болотистой долины «феррари» уже поднялся на вершину холма. И Гектор вдруг понял, что фургон и мотоцикл отрезали его от Хейзел.

– Хейзел! – закричал он. Мгновенно ожили его звериные инстинкты. – Им нужна Хейзел!

Он схватил мобильный телефон и набрал номер.

Бестелесный голос ответил:

– Абонент временно недоступен. Попробуйте позвонить позднее.

– Черт! – вскрикнул он. На этом отрезке дороги связь всегда была ненадежна. Гектор бросил телефон.

Фургон и мотоцикл быстро уходили от него. Он вдавил акселератор и понесся за ними. Впереди «феррари» Хейзел исчез за холмом, поэтому Гектор все внимание переключил на машины, которые преследовал. У его «ровера» мотор был новый, тщательно отлаженный, поэтому он быстро догонял их. Гектор невольно сунул правую руку под пиджак, где обычно

лежала в кобуре девятимиллиметровая автоматическая «Беретта». Конечно, ее там не оказалось. В Веселой Старой Англии ношение огнестрельного оружия строго воспрещалось.

– Политики, мать их! – рявкнул Гектор. Все его внимание поглощала опасность на дороге впереди. Он решил, что сначала протаранит тяжелый фургон-«мерседес», более легкую цель. Если получится встать с ним рядом, он использует обычную полицейскую тактику и ударит машину на уровне задних колес. Это заставит ее развернуться. Мотоцикл поймать труднее, но, когда Гектор выведет из строя фургон, можно будет сосредоточиться на второй цели.

Он быстро догонял фургон. «Хонда» ушла с его пути и мчалась вровень с кабиной фургона. Теперь Гектор был сразу за «мерседесом». Водитель фургона начал бросать машину из стороны в сторону, мешая Гектору встать с ним рядом.

– Черт! – выругался Гектор, глядя, как задняя дверь фургона перед ним открывается. – Что теперь?

Он смотрел прямо в просторный грузовой отсек. А там на большом поддоне – на такой строители укладывают кирпичи – высились бетонные блоки, накрытые прозрачной полиэтиленовой пленкой. Поддон был на колесиках. Должно быть, в фургоне прятался другой бандит, который толкнул поддон. Поддон покатился к Гектору. Тот понял, что может произойти, и ударил по тормозам. Он едва успел.

Поддон вывалился в открытую дверь фургона и ударился о дорогу прямо перед Гектором. Пластиковая обертка разорвалась, и огромный груз высыпался на узкое полотно: образовалась перегородка от обочины до обочины, серьезное препятствие даже для очень мощной машины. Гектор сумел остановиться почти вплотную к бетонной стене. Поверх баррикады он видел, что из фургона выбросили еще два поддона с блоками, запечатав дорогу почти на пятьдесят ярдов. Далеко впереди фургон и мотоцикл начали подниматься на холм, за которым исчез красный «феррари» Хейзел.

Гектор бегло осмотрел преграду. Грозное препятствие, преодолеть его почти невозможно. Тем не менее надо попробовать. Он переключил передачу, переведя машину на самую малую скорость. Потом нажал на газ, двинулся к преграде и начал с трудом подниматься. Шасси ударялось о блоки; те перемещались под тяжестью «ровера», не создавая трения. Скорость быстро падала, и машина застряла на полпути. Три колеса вертелись в воздухе, а одно переднее застряло между бетонными блоками.

Фургон и мотоцикл уже исчезли за подъемом. Гектор в отчаянии дал задний ход. Нажал на газ, и машина, раскачиваясь и едва не заваливаясь на бок, начала сползать с груды. Но наконец тяготение победило, и «ровер» ударился о ровную дорогу, восстановив равновесие. Гектор открыл дверцу, встал на подножку и в отчаянии осмотрелся, пытаясь найти возможность обойти преграду.

Гектор видел по обе стороны дороги изгородь из колючей проволоки – очевидно, чтобы скот не выходил на дорогу. За каждой изгородью тянулась дренажная канава. В кюветах блестела грязь, черная и вязкая, но другого пути не было.

«Хитрая западня. Узкая дорога, преграда из блоков, изгородь и канавы с обеих сторон. Умные сволочи!» – кипел он, снова садясь за руль. Он опять застегнул ремень, развернул машину и нацелил «ровер» на ту часть изгороди, которая почти насквозь проржавела. «Терять нечего!» «Ровер» врезался в изгородь. Ослабленные нити проволоки с резким двойным щелчком лопнули, и машина оказалась в канаве. Гектора так сильно бросило на натянутый ремень, что ему показалось – сломана ключица. «Ровер» с трудом выбрался из грязи на ровный луг. Гектор развернул машину и поехал параллельно асфальту. Сырая почва таила опасности. Дважды «ровер» едва не перевернулся, но продолжал движение, облепленный грязью, разбрасывая дерн из-под вертящихся колес. Грязь залепила ветровое стекло, так что Гектор почти ничего не видел. Он включил дворники. Миновал груды бетонных блоков. Направил «ровер» назад к дороге, плавно поворачивая руль. Поверхность земли становилась все тверже, и «ровер» посте-

пенно набирал скорость. Гектор видел, что дренажная канава здесь мельче. Он въехал прямо в нее. «Ровер» накренился, рыская носом, но добрался до противоположного края канавы. Здесь насыпь была ниже и склон более пологий. Гектор увеличил скорость и ударил по изгороди. Колючая проволока на мгновение остановила движение, но столб упал, и изгородь провисла. «Ровер» перевалил через нее и снова оказался на асфальте. Гектор развернулся к подъему на холм и со вздохом облегчения устремился туда, где исчезли Хейзел и ее преследователи.

Хейзел была всего в трех милях от поворота на дорогу к поместью Брэндон-холл, и с нетерпением, какое охватывает лошадь, почуявшую запах дома, прибавила ходу. И не сознавая этого, начала уходить от едущего за ней фургона. Она вообще не замечала его. В зеркало заднего вида она смотрела исключительно для того, чтобы поправить макияж.

Водитель в маске Никсона гнал фургон на предельной скорости, но вдруг заметил, что «феррари» уходит от него. Он знал, что должен догнать его раньше, чем Хейзел свернет на дорогу к Брэндон-холлу. Он открыл боковое окно и высунулся. Включил фары и одной рукой замахал над головой, другой в это время нажимая на гудок. Он видел, как загорелись красные тормозные огни «феррари». Фургон снова начал нагонять спортивную машину, но водитель продолжал сигналить и фары не выключал.

Хейзел его поведение удивило, но потом она поняла, что ее просят остановиться... зачем? Потом она увидела, что дорога за фургоном пуста. Ни следа «рейнджровера» Гектора. Хейзел побледнела.

«С Гектором случилось что-то ужасное. Водитель фургона пытается меня предупредить. Может, Гектор разбился. Может, он ранен...» Хейзел не могла закончить эту мысль, слишком та была ужасна. Хейзел ударила по тормозам и свернула на поросшую травой узкую обочину. Фургон приближался к ней, по-прежнему сигналив и мигая фарами. Водитель под маской улыбнулся, видя, что уловка сработала и женщина за рулем встревожена его необычным поведением. Красная машина встала на краю кювета – идеально для его целей. Колючая проволока кончилась, но канава по-прежнему шла вдоль дороги.

В этот миг позади на верху подъема показался «рейнджровер». Гектор с первого взгляда оценил обстановку.

– Не останавливайся из-за этого ублюдка! – в отчаянии закричал он. – Езжай как можно быстрее, дорогая! Ради бога, не останавливайся!

Он вдавил педаль, и «ровер» ринулся вниз, быстро набирая скорость. Но он был еще в четверти мили – беспомощный очевидец разворачивающейся перед ним трагедии.

Приближаясь к стоящему «феррари», «мерседес» не сбавлял скорости. Поравнявшись с красной машиной, водитель резко повернул руль и ударил ее боком. Сталь со звоном ударилась о сталь, брызнули искры. Более легкая спортивная машина вылетела в кювет, весь ее правый бок был измят и вдавлен. Она остановилась на дне канавы. Фургон-«мерседес» от удара повело к противоположному кювету. Водитель искусно справился с вращением автомобиля и, взяв его под контроль, ловко выровнял, почти не снижая скорости.

Мотоцикл, шедший сразу за фургоном, теперь остановился посреди дороги, рядом с «феррари» в канаве. Водитель остался на сиденье, готовый быстро уехать, но пассажир прыгнул и побежал к перевернутому «феррари», быстрый и ловкий, как обезьяна. С края кювета он прыгнул на помятый правый бок машины и остановился над окном со стороны водителя, высоко подняв руки над головой. Только теперь Гектор понял, что у него в руках четырехфунтовая кувалда. Даже небьющееся окно не могло устоять перед ударом. Стекло потрескалось и провисло в раме. Человек в шлеме занес кувалду и ударил снова. Стекло разлетелось тысячами блестящих осколков, осыпавших Хейзел. Она по-прежнему оставалась на сиденье водителя: ее удерживал ремень на раздавшейся талии. Она подняла руки, защищая лицо от осколков.

Человек над ней отбросил кувалду и одновременно гибким движением достал что-то из кармана куртки.

Теперь Гектор был достаточно близко к месту аварии, и видел, что человек достал из кармана. Это был длинноствольный пистолет «Смит и Вессон» 22 калибра с глушителем. Излюбленное оружие агентов израильского «МОССАДа». Свободной рукой стрелок поднял визор и направил длинный ствол пистолета в окно.

Хейзел посмотрела на этого человека. Увидела, что это молодой чернокожий. Потом поняла, что ей угрожает, и поверх ствола посмотрела в глаза нападающему. Взгляд его был равнодушным и безжалостным.

– Нет! – прошептала она. – Пожалуйста. Я жду ребенка. Не надо. Моя малышка...

Она подняла руки, загораживая лицо. Стрелок бесстрастно выстрелил. Пистолет с глушителем стрелял беззвучно. Только легкий, почти вежливый хлопок. Потом стрелявший поднял голову и увидел летящий к нему «рейнджровер» Гектора. Стрелять второй раз было некогда, но он, профессионал, знал, что первый выстрел достиг цели. Человек повернулся и спрыгнул с помятого корпуса «феррари». В этот миг «ровер» ударил его в спину. Удар был тяжелый. Тело перелетело через крышу «ровера». Гектор не сбавлял скорость. Он направил машину вперед, на того, кто сидел за рулем «хонды».

Байкер попытался уклониться, резко развернув мотоцикл. Ему почти удалось уйти от нападения. Но Гектор был для него слишком проворным. Он тоже резко развернул машину и сумел ударить передним бампером по вращающемуся колесу «хонды». Мотоцикл перевернулся, а водителя сбросило с седла под колеса «роверу». Передние и задние колеса тяжелой машины перевалили через тело. В зеркало заднего вида Гектор видел лежащего на дороге. Должно быть, байкера защитил шлем. Вот он неуверенно сел. Гектор нажал на тормоза и развернул «ровер» обратно. Мотоциклист увидел приближающуюся машину и попробовал встать. Гектор снова ударил. Байкер упал; Гектор чувствовал, как колеса давят врага. Наконец тот показался из-под колес; он неподвижно лежал ничком на асфальте дороги. Гектор выскочил из машины и подбежал к телу. Наклонился, одним быстрым движением расстегнул ремень шлема, сорвал его с лежащего и отшвырнул в сторону. Потом поставил колено парню на спину между лопаток и одной рукой взялся за шею, а вторую просунул под подбородок. Одним быстрым рывком он повернул голову байкера почти на сто восемьдесят градусов. Со звуком, похожим на треск сухой ветки, лопнули шейные позвонки. Гектор поднял шлем, надел человеку на голову и застегнул ремень. Потом поднял визор шлема, открыв лицо. Полиция станет задавать вопросы. Он не хочет, чтобы его обвинили. Об отпечатках пальцев он не беспокоился: на нем по-прежнему были кожаные перчатки. Ему срочно нужно к Хейзел, он с ужасом гадал, что с ней, но оставлять врага в живых нельзя. Тылы должны быть безопасными. Таков один из важнейших законов выживания.

Тот, что стрелял в Хейзел, волочил к ним парализованное тело, опираясь на локоть. Очевидно, ударив его, машина сломала ему позвоночник или таз, но он был вооружен. Следовало обезопасить себя. Кувалда лежала на обочине, куда ее отбросил стрелок. Гектор на бегу подхватил ее. Занес, подходя к стрелку сзади. Тот опустил подбородок на грудь, так что шлем соскользнул вперед. Выглядывала нижняя часть шеи, в районе четвертого позвонка. Чтобы закончить дело, требовалась точность, а не грубая сила. Гектор поднял кувалду дюймов на восемнадцать и вложил в удар силу запястья. Соприкосновение стальной головки с костью встряхнуло руку, и Гектор услышал, как сломался позвонок. Голова стрелка упала, он замер. Гектор опустился на колено и перевернул стрелка на спину. Визор у того был поднят, глаза широко открыты, но взгляд помутнел. На смуглом лице с нилотскими чертами легкое удивление. Гектор снял перчатку и потрогал шею лежащего, отыскивая сонную артерию. Пульса не было. Гектор удовлетворенно хмыкнул и снова надел перчатку.

– Нет сомнений, откуда ты явился, парень. Видал я таких, – мрачно буркнул он, глядя в лицо нападавшего.

Он сознательно не закрыл визор шлема. Еще несколько мгновений ушло на то, чтобы вложить рукоять кувалды в руку мертвеца и зажать в мертвых пальцах. Когда полиция будет изучать место преступления, вряд ли она решит, что он сам сломал кувалдой себе шею.

«Не трать времени на поиски пистолета. Пусть его найдет полиция», – решил Гектор, вскочил и побежал к перевернутому «феррари». Забрался на него и через разбитое окно посмотрел на Хейзел. Она лежала на руле. Он быстро наклонился и взял в ладони ее голову. Осторожно повернул, чтобы увидеть лицо. И с огромным облегчением понял, что на прекрасном лице нет следов пули. Глаза были открыты, но Хейзел ничего не видела.

«Контузия, – старался он объяснить отсутствие реакций. – Должно быть, ударились головой о руль, когда упала».

Он заговорил вслух:

– Все будет в порядке, малышка. Мы сейчас тебя вытащим.

Он зубами стащил перчатку, потом просунул руку под подбородок Хейзел и нащупал сонную артерию.

– Слава тебе господи!

Пальцами он чувствовал слабый, но устойчивый пульс. Ему пришлось до пояса просунуться в окно, чтобы дотянуться до пряжки и расстегнуть ремень безопасности Хейзел. Одной рукой он удерживал ее за плечи, другой расстегивал пряжку, потом просунул обе руки ей под мышки и приподнял. Она отяжелела от беременности, а сам он примостился на машине неустойчиво, и пришлось напрячь все силы, чтобы вытащить ее. Кряхтя от усилий, Гектор медленно протащил голову Хейзел в окно. Ее подбородок упал на грудь.

– Вот молодчина! – выдохнул он. – Мы почти выбрались. Держись.

Снова напряг все мышцы и протащил в окно ее разбухший живот. Потом усадил Хейзел, левой рукой придерживая, чтобы не упала. Силы быстро вернулись: несмотря на легкую жизнь в последние годы, он еще был в очень хорошей физической форме.

– Моя храбрая девочка.

Переместив руку, Гектор с замиранием сердца увидел, что левая рука Хейзел в крови. Он с ужасом смотрел на эту руку, пока не понял, что тяжелое обручальное кольцо на среднем пальце погнулось от сильного удара. Металл врезался в тело, и из ранки текла кровь.

«Пуля! – выдохнул он. Должно быть, Хейзел закрыла лицо руками, когда мерзавец прицелился в нее. Пуля попала в кольцо. Калибр небольшой – 22, рикошет от кольца. Гектор выдохнул. – Хейзел будет жить. Все обойдется».

К нему возвращались силы. Он перебрал ноги через бок «феррари» и, когда устойчиво сел, смог протащить в окно ноги Хейзел и повернуть ее, так что теперь она лежала у него на руках, привалившись головой к груди. Тогда он опустил ноги на землю и побежал к «рейнджроверу» с Хейзел на руках, словно со спящим ребенком. Раскрыл заднюю дверцу и осторожно уложил Хейзел на сиденье. Обложил одеялом и подушками с сидений, чтобы не соскользнула на пол. Потом отступил и улыбнулся, но улыбка вышла слабой и полной отчаяния, во взгляде она не отразилась.

– Ты никогда не узнаешь, как сильно я тебя люблю, – сказал он Хейзел и уже собрался закрыть дверцу, когда увидел нечто, вызвавшее у него новый прилив страха. Из-под светлых волос вытекала струйка крови, спускаясь по щеке.

– Нет! – выдохнул он. – Боже, нет!

Он потянулся к ней, не решаясь дотронуться и обнаружить худшее. Потом заставил себя отвести ее золотые волосы. Под ними скрывалось пулевое отверстие. Гектор нагнулся и стал изучать рану. Он солдат и видел без счета ранений. Его первая оценка подтвердилась. Легкая пуля срикошетила от кольца и попала в голову. Кольцо не спасло Хейзел. Пуля угодила

в переднюю часть черепа. Входное отверстие аккуратное, продолговатое. Пуля вращалась в полете и ударила боком.

Он осторожно провел пальцами под волосами, ощупывая череп. Выходного отверстия нет. Пуля под черепом – в мозгу.

Гектор крепко зажмурился. Да, он солдат и много раз видел, как умирают хорошие люди. Но не... не женщина, которую он любит! Он считал себя крепким и думал, будто все выдержит. Но сейчас обнаружил, что ошибался. Дух его дрогнул. Вселенная покачнулась... Он совладал с собой. Это потребовало огромных физических усилий, но он сказал себе вслух:

– Тупой ублюдок! Стоишь здесь, а из нее уходит жизнь. Шевелись! Черт тебя побери, делай что-нибудь!

Гектор закрыл дверцу и побежал к месту водителя. Забрался на сиденье. Мотор заглох. Он снова его завел. Теперь мысли проносились стремительно. Ближайшая больница – «Роял Хэмпшир» в Винчестере. Дорога позади перегорожена, не проехать. Он прикидывал, где кратчайший объезд. Это лишних восемь миль.

«Делать нечего», – мрачно сказал он себе и нажал на газ. Ехал быстро, очень быстро. Рисковал, опасно обгоняя другие машины. На волосок от гибели, но одновременно и от спасения. Он обогнал тяжело груженный грузовик, который неторопливо вползал на подъем. И буквально на несколько дюймов разминулся с полицейской машиной. Водитель этой машины мгновенно развернулся и погнался за ним, включив сирену. Гектор видел в зеркале заднего вида яркую желто-синюю окраску машины и форменную фуражку преследующего его полицейского.

– Слава богу! – выдохнул он и сразу затормозил. Полицейская машина остановилась перед ним, из нее вышли двое полицейских и мрачно направились к нему. Гектор опустил оконное стекло и высунул голову. И прежде чем полицейские заговорили, крикнул:

– Моей жене выстрелили в голову. Она умирает. Предоставьте мне сопровождение до больницы в Винчестере. – Мрачное выражение на лицах полицейских сменилось ужасом. – Вот! Загляните на заднее сиденье! – настаивал Гектор.

Полицейский с нашивками старшего сержанта подбежал к машине и заглянул в заднее окно.

– Боже! – сказал он. – Там все в крови. – Он выпрямился и посмотрел на Гектора. – Хорошо! Следуйте за мной, сэр.

– Пусть ваш напарник сядет сзади с моей женой. Он сможет поддерживать ее голову на поворотах.

– Питер, ты слышал! – рявкнул сержант, и молодой полицейский встал на подножку «ровера».

Гектор осторожно помог ему уложить на колени голову Хейзел. Потом крикнул сержанту:

– Готово! Поехали!

Патрульная машина, завывая сиреной, устремилась вперед, Гектор повел «ровер» сразу за ней.

У входа в приемное отделение больницы стояла машина скорой помощи, но сержант громко просигналил, машина торопливо отъехала, и Гектор встал на ее место. Сержант выскочил из машины и кинулся в здание. Он почти сразу вернулся в сопровождении санитаров с каталкой. Гектор помог уложить на носилки обмякшее тело Хейзел и укрыл ее простыней.

– Ступайте с женой, сэр, – сказал сержант. – Я подожду, чтобы снять с вас показания. Вы должны будете рассказать, что произошло.

– Спасибо, офицер!

Гектор повернулся и пошел за санитаром с каталкой. Его встретила молодая женщина-врач.

– Что случилось?

– Ей выстрелили в голову. Пуля в мозг.

– Отвезите пациентку на рентген, – остановила врач санитар. – Скажите, что мне нужны передние и боковые снимки головы. – Она посмотрела на Гектора. – Вы родственник пациентки?

– Она моя жена.

– Вам повезло, сэр. Сегодня у нас консультант-нейрохирург из Лондона. Я попрошу его как можно быстрее осмотреть вашу жену.

– Могу я остаться с ней?

– Боюсь, вам придется подождать, пока сделают снимки и ее осмотрит нейрохирург.

– Понимаю, – сказал Гектор. – Я буду снаружи, с полицией. Они хотят допросить меня.

Следующие полчаса Гектор провел с сержантом на переднем сиденье полицейской машины. Офицера звали Эван Эванс. Гектор описал место преступления и кратко охарактеризовал нападение.

– Я старался защитить жену от убийц, – объяснил он, стараясь не вдаваться в подробности. С точки зрения закона он совершил двойное убийство. И ему требовалось время, чтобы придумать правдоподобное объяснение. – Я ударил «ровером» по их мотоциклу и, наверное, ранил их. У меня не было времени заниматься ими. Хотелось как можно быстрее доставить жену в больницу.

– Понимаю, сэр. Я немедленно позвоню в участок и попрошу послать туда машину. Боюсь, машину вашей жены задержат для полного судебного расследования. – Гектор с пониманием кивнул, и сержант продолжал: – Я знаю, вы хотите быть с женой, но при первой возможности, мы попросим вас сделать письменное заявление и подписать его.

– У вас есть мой домашний адрес и номер мобильного телефона. – Гектор открыл дверь машины. – Я в вашем распоряжении в любое время. Спасибо, сержант Эванс. Когда жена поправится, мы вас отблагодарим.

Когда он вошел в больницу, к нему торопливо подошла женщина-врач.

– Мистер Кросс, нейрохирург посмотрел вашу жену и снимки ее черепа. Он хочет поговорить с вами. Сейчас он по-прежнему с миссис Кросс. Пожалуйста, идите со мной.

Нейрохирург в смотровом кабинете склонился к неподвижной Хейзел. Та все еще лежала в каталке. Когда Гектор вошел, врач выпрямился и пошел ему навстречу. У него был вид умного и уверенного в себе профессионала.

– Меня зовут Тревор Ирвинг, мистер...

– Кросс. Гектор Кросс. Как моя жена, мистер Ирвинг? – перебил Гектор.

– Пуля не вышла. – Ирвинг сразу перешел к делу. – Она застряла в очень сложном положении, кровотечение продолжается. Пулю необходимо удалить немедленно. – Он показал на подсвеченный сзади рентгеновский снимок у кровати Хейзел. На фоне светлых мягких тканей мозга отчетливо выделялась темная продолговатая пуля; мозговое вещество полностью окружало ее.

– Понимаю.

Гектор отвел взгляд. Он не хотел смотреть на этот страшный предвестник смерти.

– Ваша жена беременна, и это серьезное осложнение. Срок?

– Сорок недель. Утром ее осматривал гинеколог.

– Я так и думал, что срок большой, – сказал Ирвинг. – Операция станет для зародыша серьезным стрессом. Если мы потеряем ее, можем потерять и ребенка.

– Вы любой ценой должны спасти мою жену. Важна только она.

Гектор говорил свирепо. Ирвинг моргнул.

– Важны оба, мистер Кросс. Не забывайте.

Это было сказано не менее свирепо.

– Простите, мистер Ирвинг. Конечно, я не имел в виду это. Меня оправдывает только то, что я расстроен.

Ирвинг узнал человека, который нелегко сдается.

– Я постараюсь сделать все возможное, чтобы спасти обоих – мать и ребенка. Однако нам нужно ваше разрешение на то, чтобы доктор Найдю немедленно извлекла ребенка посредством кесарева сечения. Только после этого я попробую извлечь пулю.

Он повернулся ко второму врачу в кабинете; тот подошел к Гектору и пожал ему руку. Молодой индеец почти без акцента сказал:

– Ребенок все еще в прекрасном состоянии. Кесарево сечение – очень простая операция. Ни для вашей жены, ни для ребенка опасности почти нет.

– Хорошо. Делайте. Я подпишу нужную бумагу, – сказал Гектор. Его зазнобило, и собственный голос показался ему холодным.

Сестра отвела Гектора в комнату ожидания. Там уже сидело с полдюжины человек. Когда Гектор вошел, все выжидательно посмотрели на него, но потом разочарованно отвернулись. Гектор налил себе кофе из электрического кофейника. Руки его дрожали, чашка звякала о блюдце. Он с усилием остановил дрожь и сел в углу большой комнаты.

Он привык полностью контролировать любую ситуацию, но здесь чувствовал себя беспомощным. Он ничего не мог сделать, только ждать. И сопротивляться отчаянию.

С того ужасного мгновения, как «мерседес» с водителем в маске пронесся мимо него по узкой дороге, у Гектора не было времени задуматься. С той минуты его безостановочно подгоняли адреналин и инстинкт выживания – желание сохранить жизнь себе и той, кого он любил. Сейчас у него впервые появилась возможность трезво и спокойно оценить происходящее.

Одно несомненно: он ввязался в смертельную схватку. И должен подтянуть все резервы, подготовиться к следующему удару безликого тайного врага. Можно лишь гадать, откуда придет удар. Единственное, в чем он уверен, – нападения не избежать.

Однако рассудок по-прежнему изменял ему. В полной мере вернулись отчаяние, смятение и неуверенность, гнетущее ощущение ужаса. Он мог сосредоточиться только на ручейке крови, текущем по лицу Хейзел, и на ее пустых глазах.

Гектор отпил глоток кофе и нажал пальцами – до боли, пытаясь собрать остатки сил. На это ушло время, но наконец он снова справился с собой.

«Ладно. Так что мы узнали о природе зверя? – спросил он себя. Сунул руку в карман пиджака и достал маленький блокнот-молескин. – Фургон почти несомненно краденый, но у меня есть его регистрационный номер. – Он записал номер. – Далее водитель «мерседеса». – Он вспомнил, что видел, и начал припоминать подробности. – Синяя рабочая хлопчатобумажная рубашка, в магазине – фунтов пятнадцать. – Гектор помолчал и продолжил: – Обнаженная левая рука. Очень темная кожа. Хороший мышечный тонус. Молодой и тренированный. – Все это он записал, используя понятные только ему сокращения. – Полоска от часов, но самих часов нет. Значит, осторожный, сволочь. Снял перед операцией. Красная татуировка на тыльной стороне кисти. Сердце? Скорпион? Свернувшаяся змея? Не знаю. – Он помолчал. – Здесь больше ничего. Как насчет двух дорогих усопших? Полиция снимет отпечатки пальцев и узнает по трупам все возможное. Хотя у меня нет сомнений в их племенном происхождении. Я хорошо рассмотрел обоих. Эти нилотские черты лица не забудешь. Тонкие нос и губы. Выступающие зубы. Широкие скулы. Красивы. Рослые, стройные. Почти несомненно сомалийцы. – Тут он мрачно улыбнулся своей наивности. – Или масаи, или эфиопы, или самбуру, или любое другое нилотское племя. Но Сомали мне кажется самым вероятным. Династия Типпо Тип, вождь племени. Вот кто зверь. Это они похитили яхту Хейзел, похитили Кайлу, отрубили ей голову и послали в сосуде. Это их стиль. Я считал, что уничтожил весь клан. Всех их уничто-

жил. Но скорпионы в гнезде плодятся быстро. Кто-то из них мог сбежать и продолжить кровавую вражду».

Гектор часто пытался понять традиции таких убийств. Кровная месть – одна из концепций шариата, наиболее чуждая уму западного человека. Цель кровной вражды – вовсе не месть или наказание. В таком случае нужно было бы любой ценой убить самого первого преступника, и конец вражде. Нет, цель – спасти честь семьи, убив всех членов семьи врага. Конечно, кровь жертв в свою очередь вызывает к отмщению во имя чести. Порочный круг.

Гектор вздохнул.

– Пора звать на помощь.

Кого звать? Над этим вопросом он даже не задумывался. Ответ был один – Пэдди О'Куинна. Славного старину Пэдди и его веселых молодцев.

Когда Гектор впервые встретился с Хейзел, он был владельцем и руководителем «Кроссбоу секьюрити», единственным клиентом «Кроссбоу» – «Бэннок ойл», огромный нефтяной конгломерат, который возглавляла Хейзел. Когда они сочетались браком, Хейзел захотелось, чтобы Гектор всегда был рядом. Она уговорила его занять место в совете директоров «Бэннок ойл» и продать «Бэннок ойл» компанию «Кроссбоу», чтобы освободиться и постоянно быть рядом с ней. «Бэннок ойл» заплатила Гектору очень много, но цена была справедливой. Эта сумма давала ему полную независимость, делала хозяином собственной судьбы. Так Хейзел добивалась того, чтобы Гектор был свободен и они стали равными партнерами в браке. Ей не хотелось, чтобы из-за ее огромного богатства он считал себя зависимым. Она знала, что он альфа-самец и не потерпит, не сможет терпеть другой порядок. Это был типичный для нее поступок.

«Редкостная умница и редкостная красавица». Настроение его слегка улучшилось при мысли о Хейзел, но почти сразу вокруг сомкнулись темные тучи.

Пэдди О'Куинн был заместителем Гектора в «Кроссбоу». С самого начала он помогал Гектору создавать Фонд. Не было человека, которому Гектор доверял бы больше. Пэдди надежен, как гора, сообразителен, проворен – но, главное, у него чутье бойца, угадывающего опасность, чутье почти такое же сильное, как у Гектора. И Гектор чувствовал себя спокойнее, зная, что Пэдди на расстоянии всего лишь телефонного звонка.

Его размышлениям помешала больничная сестра, которая вошла в комнату и назвала его имя.

Он вскочил.

– Я Гектор Кросс.

– Пожалуйста, пойдемте, мистер Кросс.

Идя за ней, Гектор взглянул на часы. Он ждал чуть больше полутора часов. В коридоре он догнал сестру.

– Все в порядке? – спросил он у нее.

– Да, – улыбнулась она.

– Как моя жена?

– В операционной. Мистер Ирвинг еще оперирует. Но я хочу, чтобы вы познакомились кое с кем другим.

Она провела его по лабиринту коридоров к двери, на которой было написано «Родильное отделение. Обзорная».

Войдя, Гектор увидел ряд стульев, расставленных перед большой прозрачной панелью, за которой было другое помещение. Сестра взяла со стола у панели микрофон.

– Здравствуй, Бонни. Здесь мистер Кросс.

Бестелесный голос ответил:

– Секундочку, уже иду.

Гектор встал у окна, и через минуту с противоположной стороны за стеклом появилась другая женщина в форме старшей медсестры. Ей было около тридцати (слишком молода для такого высокого поста, подумал Гектор). Пухлая, хорошенькая, с круглым жизнерадостным лицом. Она несла сверток в голубом одеяле с вышитыми буквами КБГХ – «Королевская больница графства Хэмпшир». Подойдя к стеклу с противоположной стороны, она улыбнулась Гектору. Улыбка была заразительная, и Гектор улыбнулся в ответ, хотя улыбаться ему вовсе не хотелось.

– Здравствуйте, мистер Кросс. Меня зовут Бонни. Разрешите вам кое-кого представить. – Она отвернула край одеяла и показала красное, сморщенное маленькое личико с плотно закрытыми глазами. – Поздоровайтесь со своей дочерью.

– Боже! Она лысая! – сказал Гектор первое, что пришло ему в голову, и сразу понял, как неуместно это прозвучало – даже для него.

– Она прекрасна! – строго сказала сестра.

– По-своему очень забавна... но да.

– Она прекрасна во всех отношениях, – поправила сестра. – Весит ровно шесть фунтов. Ну разве не умница? Как вы ее назовете?

– Кэтрин Кайла. Эти имена выбрала ее мать. – Наверное, глядя на своего первого ребенка, он должен был сказать что-нибудь еще, но он подумал о Хейзел, лежавшей где-то неподалеку с пулей в голове. И едва не заплакал. Гектор закашлялся и отогнал слезы. В последний раз он плакал в шесть лет, когда его сбросила лошадь и он сломал руку в трех местах.

Кэтрин Кайла широко зевнула, показав беззубые десны. Гектор улыбнулся, и на этот раз вполне искренне. Он почувствовал, как в сердце загорелся огонек.

– Она прекрасна, – негромко сказал он. – Поистине великолепно. Вся в маму.

– О! Только посмотрите на малышку, – сказала Бонни. – Уже проголодалась! Пойду покормлю ее – в первый раз. Папочка, скажите «до свидания».

– До свидания, – послушно сказал Гектор. Никто никогда не называл его папочкой. Он смотрел, как сестра уносит его дочь. На короткое время эта крошечная душа вспыхнула, как свеча, и озарила темную ледяную ночь. Но, когда ее унесли, его вновь окутал арктический холод отчаяния. Гектор отвернулся от окна и ушел в комнату ожидания.

Он, сгорбившись, сидел на стуле в углу. Волнами накатывала тьма. Он искал в душе мужество, чтобы противиться этой тьме, но находил только гнев.

«Гнев – лучшее лекарство, чем смирение». Он расправил плечи и встал. Вышел из комнаты ожидания в коридор. Отыскал мужской туалет, закрылся в кабинке и опустился на сиденье. Из кожаной сумки на поясе достал мобильный телефон. В списке контактов был и номер Пэдди О'Куинна.

После третьего гудка Пэдди сказал:

– О'Куинн.

– Пэдди, где ты? – спросил Гектор. Он говорил резко и решительно.

– Милостивый боже! Я уж думал, ты провалился сквозь землю, Гектор.

Они не разговаривали месяцами.

– Они добрались до Хейзел.

Пэдди потрясенно молчал. Гектор слышал его шумное дыхание. Потом Пэдди спросил:

– Кто? Как?

В его голосе звенела сталь клинка, выдернутого из ножен.

– Четыре часа назад мы попали в засаду. Дело плохо. Хейзел ранена в голову пулей 22 калибра. Сейчас она в операционной. Врач собирается извлечь пулю. Мы не знаем, чем это обернется.

– Она сильная женщина, Гек. А что я про вас все это думаю, ты знаешь.

– Знаю, Пэдди.

Они воины, они не привыкли хныкать.

– Она ведь беременна? Как ребенок? – спросил Пэдди.

– Ребенка спасли. У нас девочка. С ней как будто все хорошо.

– Слава богу. – Пэдди помолчал, потом спросил. – Есть какие-нибудь ниточки?

– Двоих ублюдков я прикончил. Думаю, они были из Сомали.

– Опять Зверь? – спросил Пэдди. – Я думал, всех зачистили.

– Я тоже так думал. Мы ошиблись.

– Что надо сделать? – спросил Пэдди.

– Найди их, Пэдди. Кто-то из потомков Типпо Типа выжил. Отыщи их.

Гектор создавал «Кроссбоу», руководствуясь тем принципом, что нападение эффективнее обороны, а ум – самое мощное наступательное оружие. Пэдди, взяв на себя руководство, придерживался тех же установок. Как один из директоров «Бэннок ойл», Гектор по-прежнему имел доступ к счетам «Кроссбоу». Он знал, сколько Пэдди тратит на разведку. Если она и раньше была хороша, теперь должна быть еще лучше. Гектор продолжал говорить.

– Тарик Хакам по-прежнему с вами?

– Он один из моих главных людей.

– Отправь его обратно в Пунтленд. Пусть ищут уцелевших родичей хаджи шейха Мохаммеда Хана Типпо Типа. Никто не знает эту местность лучше Тарика. Он там родился.

– После того что мы с ними сделали в Пунтленде, все уцелевшие должны были разбежаться по Ближнему Востоку.

– Где бы они ни были, найди их. Пусть Тарик составит список всех уцелевших потомков Хана Типпо Типа. Мужского пола, старше пятнадцати лет. Потом мы начнем охоту за ними, за каждым из них.

– Принято, Гек. А пока я ставлю на Хейзел. Если кто-то и способен выкарабкаться, так это она. Рискну кошельком.

– Спасибо, Пэдди.

Гектор закончил разговор и вернулся в комнату ожидания.

* * *

Час тащился, как хромой калека, еще мучительнее прошел второй час, и наконец за Гектором пришла операционная сестра. Ее волосы были убраны под пластиковую шапочку. На шее висела хирургическая маска, на ногах были операционные бахилы.

– Как жена? – спросил Гектор, вскакивая.

– На ваши вопросы ответит мистер Ирвинг, – сказала она. – Пожалуйста, пойдемте.

Она отвела его в одну из палат, примыкающих к операционной. Там приходили в себя послеоперационные больные. Сестра открыла дверь и пропустила его внутрь. Гектор оказался в комнате со стенами, выкрашенными зеленой краской. У дальней стены – одна больничная кровать. Рядом на тележке негромко попискивал аппарат, контролирующий работу сердца. На мониторе в такт биению сердца пациента дрожала зеленая точка, оставляя извилистый след. За те несколько секунд, что Гектор смотрел на экран, он понял, что след неровный. После серии быстрых ударов сердца наступала пауза, потом неуверенный удар, снова пауза и опять три-четыре быстрых удара.

Ирвинг стоял у кровати, наклонившись к неподвижному телу. Почувствовав присутствие Гектора, он отошел, давая ему возможность увидеть лицо Хейзел.

Голова Хейзел была в плотном тюрбане из белых бинтов; бинты охватывали подбородок и закрывали уши. От груди и ниже Хейзел была укрыта простыней, и с нее еще не сняли зеленую операционную рубашку. Из вен на предплечьях и на тыльной стороне кистей торчали иглы для

вливаний. От них к прозрачным мешкам с жидкостью, подвешенным к передвижной стойке, тянулись трубки.

Ирвинг подошел к Гектору.

– Как она? – спросил Гектор, умудряясь говорить ровно. Ирвинг помешкал. Сердечный монитор дважды пискнул, прежде чем он ответил.

– Я извлек пулю. Но мягкие ткани повреждены серьезней, чем мы предполагали. На рентгеновских снимках этого не видно.

Гектор медленно подошел к кровати и посмотрел на Хейзел. Лицо бледное, как обсыпанное мукой. Глаза чуть приоткрыты. Из-под длинных изогнутых ресниц видны только белки. В левой ноздре трубка, идущая к баллону с кислородом в углу палаты. Дыхание такое неглубокое, что Гектору пришлось нагнуться к самому лицу, чтобы расслышать. Он поцеловал ее в губы, едва коснувшись их. Выпрямился и посмотрел на Ирвинга.

– Каковы ее шансы? – спросил он. – Не лгите мне.

Ирвинг снова помешкал, потом едва заметно пожал плечами.

– Пятьдесят на пятьдесят, может, чуть меньше.

– Если она выживет, сохранятся ли все функции мозга?

Ирвинг нахмурился, прежде чем ответить. Потом сказал:

– Маловероятно.

– Спасибо за честность, – сказал Гектор. – Могу я посидеть с ней?

– Конечно. Садитесь сюда. – Он показал на стул за кроватью. – Я сделал все, что мог, теперь я передаю вашу жену мистеру Дели, постоянному нейрохирургу больницы. Он уже осмотрел ее. Его кабинет дальше по коридору. Если сестра Палмер его позовет, он будет здесь через несколько секунд.

Он кивком указал на операционную сестру, поправлявшую трубки на руках Хейзел.

– До свидания, мистер Кросс. Да благословит бог вас и вашу милую жену.

– До свидания и спасибо, мистер Ирвинг. Я знаю, никто не мог бы сделать для нее больше. Когда он вышел, Гектор обратился к сестре Палмер.

– Я ее муж.

– Я знаю. Садитесь, мистер Кросс. Возможно, ждать придется долго.

Гектор придвинул стул ближе к кровати и сел.

– Могу я взять ее за руку? – спросил он.

– Да, но, пожалуйста, осторожней с капельницами.

Гектор протянул руку и бережно взял Хейзел за три пальца. Они были очень холодные, но не такие холодные, как его сердце. Он разглядывал ее лицо. Веки почти сомкнуты. Глаза закачены. Зрачков он не видел, только серебристый краешек белка. Глаза утратили свой сапфирно-голубой блеск, стали тусклыми и безжизненными. Он передвинул стул так, чтобы, открыв глаза, она сразу его увидела. Это должно быть первое, что она увидит, очнувшись; он очень старался не употреблять слово «если».

Он слушал гудение кардиомонитора и время от времени смотрел на мерно раздувающийся и опадающий мешок кислородного аппарата. Кроме этих звуков были слышны лишь шаги сестры Палмер по плиткам пола и шорох ее халата, когда она двигалась по палате. Гектор посмотрел на часы. Их подарила ему Хейзел на прошлый день рождения. Платиновый «Ролекс» с дарственной надписью на голубом циферблате. Без двадцати два ночи. Он не спал почти сутки. Уронив подбородок на грудь и по-прежнему держа Хейзел за руку, он задремал, но при каждом изменении ритма на кардиомониторе мгновенно просыпался.

Ему снилось, что они с Хейзел на ранчо в Колорадо, поднимаются на холм. Взявшись за руки, они идут по тропе к мавзолею Генри Бэннока. Впереди бежит Кайла.

– Я хочу видеть папу.

Она смеется и оглядывается через плечо. Дочь и мать поразительно похожи.

– Подожди! – кричит ей вслед Хейзел. – Я с тобой.

Гектора охватывает ужас. Он крепче сжимает руку Хейзел.

– Нет! – говорит он. – Останься. Не покидай меня.

И тут он почувствовал руку на своем плече и услышал голос:

– Мистер Кросс, вы в порядке?

Он открыл глаза: перед ним стояла сестра Палмер с озабоченным лицом.

– Вы кричали во сне.

Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы прийти в себя. Он понял, где находится. Посмотрел в лицо Хейзел. Голова ее была в прежнем положении, но глаза открылись. В них вернулся голубой блеск. Она видела его.

– Хейзел! – настойчиво прошептал он. – Сожми мою руку!

Никакой реакции. Пальцы Хейзел по-прежнему оставались неподвижны и холодны. Он левой рукой погладил ее по лицу. Глаза ее не двигались. Они смотрели прямо на него.

– Это Гектор, – прошептал он. – Я люблю тебя. Я думал, что потерял тебя.

Он посмотрел ей в глаза, и ему показалось, что зрачки слегка сократились; а может, эту мысль породила надежда. И тут он услышал писк кардиомонитора, частый и размеренный.

– Она видит меня, – сказал он. – И слышит.

Голос его прозвучал громче.

– Успокойтесь, мистер Кросс, – сказала сестра Палмер. – Не надо торопиться. Повреждение мозга...

Он не желал слушать.

– Говорю вам, она меня видит и слышит.

Он протянул руку и коснулся бледной, холодной щеки Хейзел, чувствуя, как к нему возвращаются мужество и решительность.

– Сестра Палмер, – резко сказал он. – Пожалуйста, пройдите в родильное отделение и попросите дежурную сестру принести мою дочь.

– Мы не можем этого сделать, сэр. Ваша жена очень больна и...

– Сестра, у вас есть дети? – перебил он.

Она медлила, потом ее голос и тон изменились.

– Сын, ему шесть лет.

– Вы можете себе представить, каково умереть, не увидев его?

– Есть правила, – слабо возразила она. – Дети, родившиеся кесаревым сечением, должны оставаться в инкубаторе...

– Наплевать на ваши правила. Моя жена может умереть. Идите в родильное отделение и принесите мою дочь. Немедленно.

Сестра Палмер еще немного помешкала.

– В это время народу очень мало.

Она выпрямила спину и повернулась к двери. Неслышно закрыла ее за собой и пошла по коридору.

Гектор поднес губы к уху Хейзел.

– Ты была права, Хейзел, дорогая. У нас девочка. Ее зовут Кэтрин Кайла, как ты и хотела. – Он смотрел ей в глаза, выискивая признаки жизни, но смотрел словно бы в бездонный голубой бассейн. – Сейчас тебе принесут Кэтрин. Ты увидишь, как она прекрасна. Волосы у нее будут золотые, как у ее старшей сестры. Она весит шесть фунтов.

Он нежно гладил щеку Хейзел и шептал ей ободряющие ласковые слова.

Кардиомонитор продолжал регулярно попискивать. Зубчатая линия на экране оставалась правильной и устойчивой.

Гектору казалось, что он ждет целый век, но вот открылась дверь и вошла сестра Палмер. Она улыбалась. Сразу за ней вошла Бонни, сестра из родильного отделения. Гектор удивился,

увидев, что она еще на дежурстве. В руках она несла сверток в голубом одеяле. Гектор вскочил и подошел к ней. Сестра молча протянула ему сверток.

Гектор неуверенно протянул к нему руки, но потом отступил на шаг и спросил:

– Какой стороной ее брать? Не хочу уронить.

– Согните руку, – приказала Бонни и, когда он послушался, положила Кэтрин в полученную колыбель. Гектор смотрел на дочь с опаской, словно брал в руки бомбу.

– Я первый раз...

– Она не сломается, – заверила Бонни. – Дети очень прочные маленькие существа. Держите ее с любовью.

Гектор медленно начал успокаиваться. Он улыбнулся.

– От нее хорошо пахнет. – Улыбка его стала еще шире. – Она такая мягкая и теплая...

– Да, – сказала Бонни. – Дети – они такие.

Гектор с младенцем на руках повернулся к кровати. Наклонился к Хейзел, так что смог поднести Кэтрин к ее лицу.

– Только посмотри! Настоящее маленькое чудо, да? – сказал он.

В лице Хейзел ничто не изменилось, оно оставалось бесстрастным, глаза ничего не выражали. Гектор поднес личико дочки почти к самому лицу Хейзел.

– Думаю, вашу дочь нужно поцеловать, миссис Кросс, – сказал он и коснулся губами Кэтрин губ Хейзел. Губы девочки сразу зачмокали, она инстинктивно искала сосок. Завертела головой, касаясь лица матери. Лицо Хейзел оставалось неподвижным и бледным, как мел.

Не найдя того, что искала, Кэтрин захныкала. Почти сразу обида перешла в гнев, и она басисто заплакала, издавая звуки, которые не могут оставить равнодушной ни одну мать. Но черты Хейзел не оживлялись.

Приуныв, Гектор снова взял Кэтрин на руки. Он надеялся... на что? На что угодно. Заметить то, что позволит понять – Хейзел узнала своего ребенка.

И тут произошло маленькое чудо. Из левого глаза Хейзел выкатилась слеза. Она была размером с жемчужину и так же мягко светилась.

– Она плачет, – тихо и благоговейно сказал Гектор. – Она видит. Она знает. Она понимает.

Бонни забрала у него ребенка.

– Нам пора. Нельзя дольше оставаться и дело не только в моей работе. – Она быстро пошла к двери, но потом оглянулась с улыбкой. – Это было ужасно рискованно, но я рада, что рискнула.

– Я тоже. – Гектор говорил хрипло. – Я перед вами в долгу, – сказал он Бонни. – В очень большом долгу.

Они с Кэтрин исчезли.

Гектор посмотрел на сестру Палмер.

– Перед вами тоже, – сказал он.

Он вернулся на свое место у постели. Взял пальцы Хейзел и постарался согреть. Стал что-то шептать ей, но потом усталость и опустошенность взяли вверх, и его, как густым туманом, окутал сон.

Что-то разбудило Гектора. Он не знал, что именно. Сонно осмотрелся. В его сознании в быстрой последовательности отразились два обстоятельства: писк монитора стал хаотичным, а линия на экране плясала. Он в панике вскочил и наклонился к Хейзел. Грудь ее тяжело вздымалась, изо рта шел хрип.

– Хейзел, – сказал он с растущим гневом. – Борись, моя дорогая! Победи эту сволочь! – Он знал, что к ней спустился темный ангел. – Не позволяй ему забрать тебя!

Встревоженная его голосом, в палату вошла сестра Палмер. Она подошла к кровати с другой стороны, посмотрела и сразу сказала:

– Позову дежурного врача.

Она выбежала из палаты. Гектор не смотрел ей вслед. Он тряс руку Хейзел.

– Слушай! – умолял он. – Оставайся с нами. Ты нам нужна. Ты нужна Кэтрин и мне. Не уходи! Пожалуйста, не уходи с ним.

Истерика кардиомонитора пошла на убыль. Пики на линии появлялись все реже, все дальше друг от друга.

– У тебя большое сердце, Хейзел, борись! Не сдавайся, – твердил Гектор, и слезы текли по его лицу. Он часто видел смерть на поле боя, но никогда не плакал. – Думай о нас. Ты никогда не сдавалась. Сражайся всем своим сердцем воина.

Хейзел испустила долгий медленный вздох. И перестала дышать. Монитор пикнул в последний раз и умолк. Зеленая линия в нижней части экрана стала прямой.

Гектор встал, его слезы упали ей на лицо, он схватил Хейзел за плечи и затряс.

– Вернись! – кричал он. – Я не отпущу тебя!

Открылась дверь, вошел молодой врач, взял его за руку, увел от кровати.

– Пожалуйста, мистер Кросс. Станьте в стороне и позвольте мне сделать мою работу.

Врач управился быстро. Он прижал к груди Хейзел стетоскоп, несколько секунд помедлил и нахмурился. Потом проверил пульс на ее запястье и тихо сказал:

– Мне жаль, мистер Кросс.

Он мягко провел рукой по лицу Хейзел, закрыв ей незрячие голубые глаза. Потом взял простыню и хотел накрыть ее.

– Нет! – Гектор схватил его за руку. – Не накрывайте. Я хочу навсегда запомнить ее лицо. Пожалуйста, оставьте нас одних. – Он взглянул на сестру Палмер, стоявшую в изножье кровати. – Вы тоже, сестра. Вы больше ничего не можете сделать.

Они вдвоем тихо вышли.

Гектор склонился к кровати. Он очень давно не молился, но сейчас начал. Потом встал и вытер глаза.

– Я не прощаюсь, Хейзел. Куда бы ты ни ушла, жди меня. Однажды мы снова будем вместе. Жди меня, дорогая.

Он поцеловал жену в губы, уже начавшие холодеть. Накрыв простыней ее лицо и пошел к двери.

По дороге к выходу он заглянул в родильное отделение и постучался в кабинет старшей сестры. Та вышла к нему.

– Чем могу помочь, мистер Кросс?

Гектор слегка удивился, что она знает его имя. Он понятия не имел, какой шум поднялся в больнице. Известие распространилось быстро.

– Я ищу сестру по имени Бонни.

– Бонни Хепворт? Ее дежурство кончилось час назад.

– Когда она вернется?

– Сегодня в шесть вечера.

– Спасибо. Я могу сейчас увидеть свою дочь? Она родилась вчера вечером.

– Да, я знаю. – Она заглянула в свой блокнот и нашла имя. – Кэтрин. Хорошо. Идемте в обсервационную.

Там Гектор прижался к стеклу.

– Она больше похожа на человека, чем несколько часов назад. – Сестра строго посмотрела на него. Он понял, что тут не любят неодобрительные замечания о детях, и поспешно продолжил: – Когда ее выпишут?

– Ну... – Сестра выглядела нерешительно. – Она кесаренок, а ее мать...

– Когда я смогу ее забрать? – настаивал Гектор.

– Вероятно, через три-четыре дня, если все будет хорошо, но, конечно, решать доктору Найду...

– Я приду вечером навестить ее, – пообещал он.

Он пошел туда, где в гараже стоял его «рейнджровер», и обошел вокруг машины, разглядывая повреждения. Машина вся была покрыта засохшей грязью, передний бампер помят. Гектор сел в нее, завел мотор и поехал в Брэндон-холл.

Кратчайший путь лежал через Винчестер, и Гектор миновал место засады. Участок был обнесен полицейской лентой, но «феррари» Хейзел уже увезли. Трое полицейских обмеряли место происшествия и собирали улики.

Гектор сбавил ход, но один из полицейских знаком велел ему проезжать.

Дверь открыл дворецкий Рейнольдс.

– Рад видеть вас, сэр. Мы тревожились, когда вы с миссис Кросс вчера вечером не вернулись. Миссис Кросс не с вами?

Он заглядывал Гектору через плечо. Тот не ответил на его вопрос.

– Пожалуйста, попросите Мэри принести кофейник в мой кабинет. Я хочу, чтобы в два часа дня весь персонал собрался в голубой гостиной.

Гектор пошел наверх. Взял сумку с бритвенными принадлежностями, но потом решил в знак траура по Хейзел отпустить бороду. Принял душ и в халате прошел в свою гардеробную. Мэри принесла поднос с кофе.

– Вы с миссис Кросс завтракали, сэр?

– Не волнуйтесь о завтраке. Мистер Рейнольдс сказал вам о собрании персонала?

– Да, сэр.

Гектор переоделся в простую одежду, натянул прочные грубые башмаки и прошел в свой кабинет в конце коридора. Сел за стол и взял телефон. Пэдди ответил на первый же звонок.

– Пэдди, с тобой говорит плачущий ублюдок. Хейзел не справилась. Она умерла сегодня в пять утра.

Пэдди молчал, обдумывая ответ, потом хрипло сказал:

– Мои соболезнования, Гек. Мы достанем сукиных детей, которые это сделали. Клянусь тебе. Когда похороны? Мы с Настей хотим приехать.

Настя – жена Пэдди, выученица КГБ, великолепная блондинка, играла роль Хейзел в операции «Троянский конь», когда была уничтожена крепость пиратов в Сомали.

– Частная кремация. Никакого шума. Так она всегда хотела. Однако если бы вы могли присутствовать... из всех людей Хейзел предпочла бы вас. Где вы?

– В Абу-Заре.

– Кремация не сразу. Полиция хочет провести судебно-медицинское вскрытие. Прилетайте как можно скорее. Нужно поговорить. Спланировать действия.

– А как ребенок, Гектор? Бедный малыш выжил?

– Родилась девочка. Хейзел сделали кесарево сечение до того, как... – Гектор осекся. Он не хотел произносить это слово, слишком окончательное. Он торопливо продолжил: – Ее зовут Кэтрин. Она великолепна.

– Значит, пошла в Хейзел. Не в тебя. – Смех Гектора походил на хрип, и Пэдди продолжил: – Нам нужно ее спрятать, Гек. Если Зверь узнает о ней, он придет за вами обоими.

– Это меня и беспокоит, Пэдди. Они приходили не за мной. Им была нужна только Хейзел.

– Расскажи, – попросил Пэдди.

– У них была прекрасная возможность застрелить меня, но они ею не воспользовались. Сознательно отгородили меня от действия. Вывалили на дорогу кирпичи, чтобы отсечь меня.

Гектор и Пэдди молчали, обдумывая эту загадку.

– Не знаю почему. Ерунда какая-то, – сказал наконец Пэдди. – Может, их предупредили, чтобы не связывались с тобой? Просто не знаю. Станет ясней, когда мы вместе поработаем над этим. Но не рискуй Кэтрин. Нужно спрятать ее так, чтобы они не могли до нее добраться.

– Ладно, Пэдди. Я хочу, чтобы перед вылетом из Абу-Зары ты нашел безопасный дом для Кэтрин. Попробуй снять верхний этаж одного из новых небоскребов, которые эмир строит на берегу, там легче будет ее защищать.

– Я немедленно поговорю с принцем Мухаммедом. Никаких проблем.

Принц – зять эмира и не только контролирует министерство финансов, армию и полицию, но и возглавляет строительную программу. Он в долгу перед «Бэннок ойл», компанией, которая пробурила скважину, сделавшую Абу-Зару одним из самых процветающих маленьких государств на земном шаре.

– Молодец, Пэдди! Дай знать, что ты для нас найдешь. До встречи!

Он закончил разговор и нажал на кнопку селектора. Агата, секретарь Хейзел, сразу ответила из своего кабинета в дальнем конце коридора.

– Агата, пожалуйста, зайдите в мой кабинет.

– Миссис Кросс с вами, сэр? Ей нужно подписать несколько писем.

– Зайдите ко мне, я вам все объясню.

Когда Агата постучала, Гектор нажал кнопку под столом и дверь открылась. Агата вошла. Она была в строгом сером деловом костюме. Волосы аккуратно причесаны. Она работала с Хейзел с ее первого замужества.

– Садитесь, пожалуйста, – сказал Гектор.

Она села лицом к нему и пригладила юбку на коленях.

– У меня трагическая новость, Агата.

Она привстала, лицо ее исказилось от ужаса.

– Что-то с миссис Кросс? Что-то страшное...

– Сядьте, Агата. Я надеюсь на силу и спокойствие, которые вы всегда проявляли. – Он глубоко вдохнул и произнес роковые слова: – Моя жена умерла.

Агата неслышно заплакала.

– Как умерла? Она была так молода, так полна жизни... Это невозможно!

– Ее убили, – сказал он, и Агата резко встала.

– Могу я воспользоваться вашим туалетом, мистер Кросс? Меня сейчас вырвет.

– Сколько угодно.

Он слышал негромкие звуки ее отчаяния. Но вот спустили воду, и Агата вернулась. Глаза ее покраснели, но ни один волосок не выбился из прически.

Она снова села и посмотрела на него.

– Вы тоже плакали. – Он согласно наклонил голову, и она продолжила: – Что с ребенком?

– Это девочка, – ответил он, и Агата печально улыбнулась.

– Да, мы с Хейзел это знали. С ней все хорошо?

– Да, абсолютно. Но надо постараться скрыть от публики факт ее рождения и то, что она жива. Если об этом узнают, она будет в такой же опасности, как Хейзел. Нужно ее спрятать. Мне понадобится ваша помощь.

– Конечно, я помогу.

– Прежде всего самое неотложное. Найдите в Винчестере погребальную контору. Как только полиция закончит расследование и выдаст тело, похоронное бюро должно забрать Хейзел из морга КГБХ и подготовить к кремации. Потом как можно быстрее организуем кремацию.

– Что еще?

– В сейфе моей жены лежит большой конверт цвета буйволовой кожи, запечатанный красной восковой печатью. Пожалуйста, принесите его.

– Хорошо. Я знаю, о каком конверте речь. – Она встала и посмотрела ему в глаза. – Мы оба должны быть мужественными, – сказала она. – Миссис Кросс ожидала бы от нас этого.

Агата вышла, но через несколько минут вернулась и положила на стол перед Гектором большой конверт.

– Спасибо, Агата. Теперь еще одно. Нужно сообщить всем, кому следует об этом знать, что случилось с моей женой. Пожалуйста, просмотрите контакты Хейзел и сделайте для меня список. Я составлю общее сообщение.

Гектор подождал, пока Агата выйдет из кабинета, и взял конверт. Перевернул его и убедился, что печати не тронуты.

На обратной стороне конверта Хейзел своим размашистым почерком написала: «Вскрыть только в случае моей смерти».

Он распечатал конверт кривым арабским кинжалом, который использовал как разрезальный нож. И извлек толстую пачку документов. Наверху груды лежало письмо. Он узнал почерк Хейзел и, читая первые строки, ощутил острый укол боли:

Мой дорогой Гектор, надеюсь, ты никогда не прочтешь этого, ведь если ты это читаешь, произошло нечто невыносимое и мы с тобой навсегда расстались...

Затем тон письма стал деловым. Хейзел подробно рассказывала о величине и размещении своего состояния.

Большая часть недвижимости, находящейся в моем распоряжении, на самом деле принадлежит «Семейному доверительному фонду Генри Бэннока». Сюда входит ранчо в Хьюстоне и ранчо в Колорадо, квартиры в Вашингтоне и Сан-Франциско, дом в Белгравии и Брэндон-холл в Хэмпшире. Все это в случае моей смерти возвращается к доверительному фонду...

Гектор хмыкнул. Ничто из этого его не удивило. Ему бы и в голову не пришло жить в этих великолепных домах. Где по пустым комнатам будет бродить призрак Хейзел.

Мне лично принадлежит только остров на Сейшелах и 4,75 % рыночной цены «Бэннок ойл». Генри был очень хорошим и справедливым человеком. Он знал, что почти несомненно умрет первым и я захочу снова выйти замуж. И не собирался наказывать за это меня и моих еще не рожденных детей. Я уверена, что он отдал распоряжения насчет всех моих детей, отец он им или нет.

Сложно полюбить общаться с попечителями Фонда, но придется – ради наших детей. Воспользуюсь нашим выражением, чтобы описать тебе этих джентльменов.

Сборище жадюг-законников с неприятными физиономиями.

Пожалуйста, будь вежлив с ними, дорогой, если они будут тебя раздражать. Генри заставил их дать обет молчания. Они не могут и не станут ничего тебе рассказывать о Фонде. Не сообщат тебе имена других ее бенефициаров и не расскажут об активах. Генри сознательно выбрал базой Фонда Каймановы острова, поскольку это маленькое государство придерживается закона неразглашения. И даже ордер Верховного суда Соединенных Штатов ничего не даст.

Однако не сомневайся – наши дети без малейших возражений со стороны попечителей получают все необходимое и многое из того, что им совсем не нужно. Генри всегда был очень щедр. Одно из условий Фонда таково: на всякий доллар, заработанный бенефициаром, доверительному фонду выплачивает ему три доллара. Когда Кайла, работая у соседей приходящей няней, получила

сто долларов, Фонд заплатил ей триста. Когда я в качестве директора «Бэннок ойл» получила несколько миллионов, Фонд... Нужно ли объяснять дальше?

Глава «Семейного доверительного фонда Генри Бэннока» – Рональд Бантер из хьюстонской юридической фирмы «Бантер и Теобальд». Агата даст тебе его адрес и номер телефона.

Что еще? Ах да. Вдобавок к перечисленному выше у меня есть еще кое-какие рубли, шекели и другая легко конвертируемая валюта в различных инвестиционных банках и финансовых институтах по всему миру. Я сама точно не знаю, сколько там всего, но при последних подсчетах было около шестисот или семисот миллионов долларов. К этому письму приложен список банков, имена тех, кто распоряжается средствами, и необходимые пароли, которые дадут тебе доступ к счетам. Есть также номерные счета; к ним ты получишь доступ немедленно, без всяких осложнений. И тебе не нужно за деньги на них платить налоги, если ты сам не захочешь. Насколько я тебя знаю, мой дорогой глупыш, – а я думаю, что знаю тебя – ты захочешь заплатить налоги.

Что сказано в евангелии от Гектора, которому ты меня учил?

«Плати налоги за все, чем владеешь. Ни пенни меньше, ни пенни больше. Это единственная возможность спокойно спать по ночам».

Ты всегда умел рассмешить меня.

«Джи-5» принадлежит «Бэннок ойл», а «Боинг бизнес джет» – Фонду. Но ты член совета директоров «Бэннок ойл», и поэтому самолеты Фонда всегда в твоём распоряжении. Хорошо-хорошо, я знаю, что ты, плебей по рождению, предпочитаешь летать коммерческими рейсами. Все машины и скаковые лошади мои. Води машины осторожно и делай ставки разумно. Жаль, но картины принадлежат Фонду: все эти прекрасные Гогены и Моне (ох!). Одежда, обувь, чемоданы и сумки, меха и драгоценности – все это мое, так же как прочие мелочи. И доволен об этом.

Все это я по завещанию оставляю тебе; завещание приложено к этому письму.

Прощай, Гектор, любовь моя. Я не хочу тебя оставлять: это было так прекрасно!

Вечно буду любить тебя.

Хейзел

Последняя мысль, мой дорогой. Не горюй обо мне слишком долго. Вспоминай меня с радостью, но найди себе новую спутницу. Такой мужчина, как ты, не должен жить монахом. Однако убедись, что она хорошая женщина, иначе я вернусь и буду ее преследовать.

Гектор встал из-за стола и через двустворчатую дверь вышел на балкон. Оперся на парапет и посмотрел вниз на реку, но прекрасный вид расплывался из-за слез.

«Мне никогда не было нужно ничего из этого. Это слишком много. Четыре с тремя четвертями процента активов «Бэннок ойл»? Господи! Какое непристойное количество денег. Мне всегда нужна была только ты».

В кабинете за ним загудел селектор. Гектор вернулся к своему столу и поднял трубку.

– Да, Агата?

– Я приготовила список, который вы просили, мистер Кросс.

– Спасибо. Пожалуйста, принесите его.

В списке, подготовленном Агатой, было пятьсот фамилий – друзья Хейзел и ее деловые партнеры. Взяв ручку, Гектор сократил этот список до четырехсот десяти. Потом обвел несколько фамилий.

– Этим нужно сообщить немедленно. Они должны узнать раньше других и раньше, чем газеты поднимут шум. Остальных можете известить завтра.

Среди срочных писем были адресованные Джону Нельсону в Южную Африку, брату Грейс – матери Хейзел и в Хьюстон Джону Бигелоу, бывшему сенатору-республиканцу, вице-президенту «Бэннок ойл» и первому заместителю Хейзел, которая была президентом и генеральным директором компании. Еще он обвел имя Рональда Бантера.

Гектор вырвал лист из блокнота и написал:

«С глубочайшим прискорбием сообщаю о смерти при трагических обстоятельствах моей любимой жены Хейзел Бэннок-Кросс. Вскоре вы получите приглашение на заупокойную службу. Гектор Кросс».

Агата взяла у него исправленный список и черновик письма, а потом напомнила:

– Уже почти два часа. Персонал ждет вас в голубой гостиной, сэр.

* * *

Все работники Брэндон-холла, от дворецкого до объездчиков, отвечавших за дичь и воду, от экономки до горничных собрались в голубой гостиной. Мужчины стояли у стен, женщины неловко и застенчиво сидели на мягких диванах и в креслах.

Гектору очень хотелось побыстрее покончить с этим. Все это были прекрасные люди и отличные служащие. Он не хотел отправлять их на поиски работы, тем более что из-за экономического спада безработица все росла. Собравшись с силами, он сообщил им о смерти Хейзел. Послышались возгласы отчаяния и недоверия. Женщины заплакали.

– Брэндон-холл, вероятно, придется продать. Я приложу все усилия, чтобы новый собственник дома нанял вас. Но, что бы ни случилось, все вы получите выходное пособие за два года работы. – Он поблагодарил их за верность и нелегкий труд и пригласил в последний раз проявить уважение к Хейзел на погребальной церемонии. Под конец он предупредил: – Сюда, как мухи, налетят репортеры и будут расспрашивать о нашей частной жизни и о смерти моей жены. Пожалуйста, не разговаривайте с ними. Если они предложат деньги, скажите мне – и я заплачу вдвое, чтобы вы молчали. Благодарю вас.

Когда все потянулись к выходу, Гектор попросил остаться двух нянек, нанятых Хейзел.

– Вас сказанное о работе не касается. Перед смертью моя жена родила девочку. Вы понадобитесь мне, чтобы заботиться о ней.

Они сразу приободрились.

– Девочка! Замечательно. Как ее зовут, сэр?

– Ее зовут Кэтрин. Но, пожалуйста, запомните. Вы не должны говорить об этом с незнакомыми людьми. А теперь проверьте, все ли готово в детской к приезду малышки из больницы.

Детские располагались прямо напротив хозяйской спальни. Это было творение исключительно Хейзел. Гектор не вмешивался, пока Хейзел планировала и строила детскую. В комплекс входило пять комнат, в том числе две спальни для нянечек. Цвет преобладал розовый. Когда Гектор впервые вошел в детскую, ему вспомнился тронный зал. В центре – большая бело-золотая колыбель с розовым пологом. На стенах полки с целым зверинцем мягких игрушек: кроликов, жирафов и зебр, львов и тигров. Такую выставку не увидишь даже у «Хамлиз»⁶ в Рождество.

---

⁶ «Хамлиз» – большой лондонский магазин игрушек на Риджент-стрит.

Нянечки были молодые и очень почтительные. Они провели Гектора по детской; он старался казаться умудренным и говорил мало. А в конце подвел итог:

– Ну, кажется, у вас здесь есть все необходимое.

Про себя он добавил: «Кроме более опытного и зрелого человека у руля». Он поблагодарил их и сбежал в кабинет.

Садясь во вращающееся кресло, он увидел на экране ответ Джона Нельсона, дяди Хейзел из Южной Африки, на его электронное письмо. Приветствия не было, текст звучал горько и враждебно:

Вы непосредственно виновны в смерти трех людей, которых я любил: моей сестры Грейс, моей внучатой племянницы Кайлы Бэннок, а теперь и самой Хейзел.

Зловоние смерти всюду следует за вами, Гектор Кросс. Вы отвратительны, как большая черная гиена. Я буду проклинать вас до самой могилы и плюну на нее, когда вас наконец в нее уложат.

Гектор откинулся в кресле. «Бедняга Джон, я понимаю, как вам больно. Мне тоже». Он уничтожил сообщение. Но ему потребовалось время, чтобы восстановить душевное равновесие.

«Займись чем-нибудь! – говорил он себе. – Не размышляй. Двигайся. Продолжай двигаться». Он развернул кресло и взял телефон. Набрал номер мобильного сержанта Эванса, полученный от него в больнице, и Эванс отозвался почти мгновенно.

– Я рад, что вы позвонили, мистер Кросс. Примите мои соболезнования, сэр. Когда мои коллеги добрались до места преступления, оба участника нападения были мертвы. На данном этапе мы предполагаем, что они погибли при ударе о вашу машину. Дело расследует детектив-инспектор Харлоу из полиции Винчестера. Я знаю, что ему нужны ваши показания. Пожалуйста, позвоните ему, договоритесь о месте и времени.

Гектор набрал 101 и через ряд промежуточных инстанций дозвонился до детектив-инспектора Харлоу. Они договорились встретиться вечером в участке. Гектор повесил трубку и посмотрел на часы.

Потом позвонил в подземный гараж и сказал шоферу:

– Пожалуйста, поскорее подайте «Бентли» к крыльцу. Я еду в город.

– Вас отвезти, сэр? – с надеждой спросил шофер. Он уже чувствовал себя безработным.

– Не сегодня, Роберт. Кстати, можете отогнать «ровер» в город, в мастерскую, пусть поправят бампер.

Взяв пальто, Гектор вышел из кабинета. Он одевался на ходу, перепрыгивая через две ступеньки. И когда добрался до вестибюля, тяжело дышал.

«Пыхчу, как старик. Если хочешь выжить в этой буре, нужно быть крепче», – сказал он себе.

Дворецкий услышал, что он идет, и открыл перед ним дверь.

– Вернетесь к ужину, сэр?

– Передайте мои извинения повару. Я поем в городе, – ответил Гектор.

Большой дом и пустые комнаты начали угнетать его. Он пообедал где-нибудь в пабе. Вдруг да встретится с егерями – с ними можно поговорить об охоте и рыбалке и ненадолго рассеять темные тучи горя. Шофер уже привел «Бентли».

Гектор сначала поехал в больницу и провел полчаса в регистратуре, оформляя свидетельство о смерти Хейзел и свидетельство о рождении Кэтрин, что потребовало даже предъявления паспорта. Судя по тому, что написала ему Хейзел, эти документы ему понадобятся, чтобы

попечители «Семейного доверительного фонда Генри Бэннока» отнесли к нему с должным вниманием.

Из регистратуры он прошел в родильное отделение, где все сестры хорошо знали и его и трагические обстоятельства, связанные с его появлением. Между собой они прозвали его «биение папиного сердца», сокращенно БПС.

– Сейчас не часы посещения, – строго сказала одна из сестер и тут же смягчилась. – Но для вас мы сделаем исключение, мистер Кросс.

Она провела его через дверь с надписью «Только для сотрудников». Потом выдала марлевую маску, закрывающую рот и нос, и провела в отделение. Заняты были только три колыбели. Сестра взяла сверток из средней и положила ему на руки.

– Десять минут, не больше. Потом я вас выведу, – предупредила она.

Его беседа с Кэтрин была предсказуемо односторонней. Он пытался поговорить с дочкой по-детски; в ответ она пустила пузыри и уснула. Пока она спала, Гектор баюкал ее и рассматривал ее лицо. Когда вернулась сестра, Гектор неохотно отдал ей ребенка.

Без десяти шесть он вышел на парковку и ждал, пока не подъехала сестра Бонни Хепворт в дряхлом «мини-купере» с поблекшей зеленой окраской британских гонщиков и полосами «Формулы один». Когда она затормозила, он открыл для нее дверь машины. Бонни удивилась, потом узнала его.

– Могу я несколько минут поговорить с вами, сестра? – спросил он.

– С радостью, мистер Кросс.

– Есть у вас свои дети, о которых нужно заботиться? – серьезно спросил он.

– Я бы хотела, чтобы были, но их нет.

– Тогда, возможно, мы сумеем договориться. Я хочу предложить вам работу, – сказал он.

– У меня уже есть работа, – ответила она, но тут же пошла на попятную. – Что за работа?

– Место старшей няни моей дочери Кэтрин. Я знаю, у вас большой опыт, и вы хорошо знаете детей. Думаю, Кэтрин вы уже понравились. В помощь вам будут еще две молодые нянечки.

– Но у меня уже есть работа, – повторила она. И смущенно сжала руки.

– Сколько вам здесь платят? – не отставал он.

– Сорок тысяч в год.

– Я буду платить сто двадцать тысяч, – сказал он, и Бонни ахнула.

– Не знаю, – сказала она наконец. – А как же пенсия?

– Сколько у вас?

– Примерно сто тысяч, и еще двадцать три года работать.

– Я удваиваю эту сумму и делаю открытым срок окончания работы. Никаких сокращений в связи с возрастом. Останетесь с нами, сколько захотите. Подумайте, Бонни. Можете сообщить мне о своем решении завтра, когда я приду навестить Кэтрин.

Он повернулся и пошел к своему серебристому «Бентли», припаркованному в конце ряда. Открывая дверцу, он чувствовал на себе взгляд Бонни.

– Мистер Кросс, – окликнула она. – Я уже подумала.

Он оглянулся через плечо.

– И что?

– Договорились.

Он повернулся к ней.

– Дайте мне ваш телефон. – Она назвала номер, Гектор его запомнил. – Я позвоню. Подробности обсудим позже. А пока поставьте в известность свое начальство здесь. – Он быстро пожал ей руку. – Добро пожаловать на борт, няня Бонни.

Потом сел в «Бентли» и поехал в полицию.

Детектив-инспектор Харлоу оказался мужчиной лет сорока, полным и лысеющим. Светло-карие глаза за очками в стальной оправе, взгляд усталый и мудрый. Он встал и вышел из-за стола, чтобы пожать Гектору руку.

– Мои соболезнования, сэр. Прошу садиться. Чай, кофе?

– Кофе. Черный. Без сахара.

Харлоу налил ему кофе, и Гектор отхлебнул горький напиток.

– Начнем? – спросил Харлоу. Гектор поставил чашку, и Харлоу попросил подробно описать все события, которые завершились нападением на Хейзел, его усилия прогнать нападающих и все дальнейшее до случайной встречи с сержантом Эвансом в патрульной машине.

Гектор опустил только подробное описание водителя «мерседеса» с французскими номерами, из которого выбросили камни, чтобы преградить ему дорогу. Когда Харлоу начал настаивать, Гектор сказал:

– Он был в резиновой маске, и я видел его всего секунду, пока он проезжал мимо.

– Не определили национальность?

– Его голая рука была черной. Я уверен только в этом. Простите, но это был лишь беглый взгляд. – Про себя добавил: «Если кто-то и будет задавать вопросы этому удалцу, так мы с Пэдди О'Куинном. Судебной процедуры не будет. Ему не зачитают его права, когда мы начнем рвать его в клочья».

Наконец Харлоу удовлетворился.

– Да, все это соответствует тому, что мы нашли на месте преступления.

Гектор прочел протокол, который показал ему Харлоу, и подписал.

– Сержант Эванс сказал мне, что преступники были мертвы, когда вы их нашли, – сказал он.

– Верно, мистер Кросс, – подтвердил Харлоу.

– Вы смогли установить, кто они, инспектор?

– Да. Мы сразу нашли их отпечатки в базе. У обоих криминальное досье.

Инспектор открыл лежавшую на столе папку и извлек из нее тонкую стопку листов. Он по одному протягивал их через стол Гектору. На первом была полицейская фотография. Гектор сразу узнал, кто на ней.

– Да! Это мотоциклист.

Харлоу опустил глаза к листку, который держал в руках, и прочел вслух:

– Виктор Эммануэль Даду. Двадцать четыре года. Британский гражданин. Родился в Бирмингеме. Родители эмигрировали из Конго в 1981 году. Постоянного места жительства нет. Три уголовных приговора. В 2004 году за угон автомобиля провел шесть месяцев в Фелтемском исправительном заведении для малолетних преступников. Три месяца в 2009 году за грабеж с насилием; три месяца в 2011 году за проявления насилия при участии в летних стычках 2011 года. Во всех прочих отношениях хороший парень.

Он взял следующий листок и протянул Гектору.

– Да, – сказал Гектор, взглянув на фотографию. – Это стрелок. Эта грязная свинья убила мою жену.

Харлоу нахмурился при этой вспышке, но прочел по листку:

– Имя: Эйан Брайтбой Деймар. Двадцать три года. Уроженец Могадишо, Сомали. Нелегальный мигрант. В 2009 год заключения за грабеж со взломом. Попросил не депортировать его и в 2010 году получил статус беженца.

Гектор неопределенно кивнул, довольный тем, что его первоначальное мнение подтвердилось. «Сомали. Еще одно указание на клан Типпо Типа. Все начинает складываться», – подумал он и посмотрел на Харлоу.

– Я могу еще чем-нибудь вам помочь? – спросил он.

– Спасибо, что уделите время, мистер Кросс. Если мне понадобится еще раз с вами поговорить, у меня есть ваши данные. Если мы сумеем отыскать водителя французского фургона, вам нужно будет дать показания в суде. Еще раз прошу принять соболезнования в связи со смертью вашей жены. Будьте уверены, мы все перевернем и найдем участников этого ужасного преступления.

На пути в Брэндон-холл Гектор остановился в Смоллбридже, в пабе «Флаг и медведь». Он уже съел полпорции сырного пирога и выпил полпинты теплого пива, когда его начали раздражать вызывающие взгляды и смелые замечания двух густо накрашенных молодых женщин, сидевших в баре. Он вернулся в Холл, принял две таблетки мелатонина и рухнул на большую двуспальную кровать.

Проснулся Гектор на рассвете с ощущением чего-то страшно непоправимого. Он лежал, прислушиваясь к ее дыханию. Тишина была полная. Не открывая глаз, он протянул руку, но простыни на ее стороне кровати были холодными. Он открыл глаза, повернул голову и увидел, что ее нет. И снова подступила боль, словно глубоко в нем сидела раковая опухоль. Боль неминуемая и почти нестерпимая.

Следовало найти точку фокуса для гнева и ненависти. Встав с постели, он пошел в ванную. Приняв душ, сразу прошел в кабинет. Включил компьютер. Хотя Гектор и понимал, что еще рано, он надеялся, что Пэдди что-нибудь нашел. Но, едва открыв почту, обнаружил, что его почтовый ящик переполнен входящими сообщениями. Просмотрев первые несколько писем, он увидел, что все это выражения соболезнования. И понял, что произошло.

Бешенные псы прессы разнюхали, что случилось. Как им удалось узнать так быстро?

Вопреки здравому смыслу он открыл сайт «Сан», презренной газетенки Руперта Мердока. Над фотографией выходящей из «ролса» Хейзел в мехах и брильянтах с Гектором на заднем плане в глаза бросался заголовок «Миллиардершу застрелили на сельской дороге. Перед смертью она убила двух нападавших».

Невероятно безобразный репортаж. Единственное правдивое в нем то, что Хейзел умерла. Никаких упоминаний о рождении Кэтрин.

«Спасибо, Господи, за это маленькое чудо». Он просмотрел сайты других изданий. Об убийстве писали все газеты. Репортаж в «Таймс» достойный и сдержанный, статьи в «Мейл» и «Телеграф» не столь умеренные, но нигде ни слова о рождении Кэтрин. Гектор испытал большое облегчение.

«Надо побыстрее забрать ее из больницы. Псы-журналисты обязательно разнюхают». Кровь вновь быстро потекла в жилах, он был готов к трудностям нового дня. От Пэдди ничего не было, но он понимал, что рано еще ждать от него новостей.

Длинное письмо прислал Джон Бигелоу. От имени всех остальных директоров «Бэннок ойл» он сообщал о потрясении и ужасе, вызванных убийством Хейзел. Рассказав, что уже ведется подготовка к заупокойной службе в Хьюстоне, он далее писал:

«Я хотел бы получить Ваше разрешение на проведение такой же службы в Лондоне, где у Хейзел было много друзей и деловых партнеров. Я попросил моего старого друга посла США при Сент-Джеймском дворе⁷ использовать служебное положение и резервировать для этой цели церковь Сент-Мартин-ин-зе-Филдз⁸ на Трафальгарской площади. Я предлагаю провести службу через две недели, чтобы все, кто захочет прийти, – а таких будет очень много – могли включить поездку в свои планы.

---

⁷ Сент-Джеймский дворец, бывшая королевская резиденция в Лондоне; при нем официально аккредитованы иностранные послы.

⁸ Церковь святого Мартина на полях, один из лучших образцов греческого стиля в Лондоне.

Надеюсь, из-за этого трагического события Вы не собираетесь выйти из совета директоров «Бэннок ойл». Ваши коллеги члены совета директоров самого высокого мнения о Вас и считают Ваш вклад важным и ценным!

«Вам не избавиться от меня так вот просто, Бигглз. Вы мне нужны не меньше, чем я вам, как вы говорите», – сказал себе Гектор. Инфраструктура «Бэннокс» даст ему необходимые средства и возможности найти ублюдков, которые так обошлись с Хейзел.

Он ответил вице-президенту «Бэннок ойл», с благодарностью приняв предложение и заверив в своем желании остаться в совете компании. «Считаю своим долгом перед памятью Хейзел продолжить работу, которой она отдавала столько сил», – написал он.

Он быстро просмотрел письма и удалил большинство. Но одно письмо привлекло его внимание, и он открыл его. Писал Рональд Бантер, старший попечитель «Семейного доверительного фонда Генри Бэннока».

Дорогой мистер Кросс,

я был глубоко опечален, прочитав Ваше письмо. Примите мои соболезнования в связи со смертью Вашей жены миссис Хейзел Бэннокс-Кросс. Она была прекрасным человеком большой силы духа и авторитета. Она также была очень умна. Сам я всегда уважал ее и восхищался ею.

Так уж совпало, что в данный момент я приехал по делу в Лондон. До субботы я буду жить в отеле «Ритц» на Пикадилли. Номер телефона коммутатора отеля 0207-493-8181, а мой номер 1101. Поскольку Вы – душеприказчик Вашей жены, я считаю, что нам нужно как можно скорее встретиться, когда Вам будет удобно. Пожалуйста, позвоните мне, чтобы договориться о встрече.

Искренне ваш Рональд Бантер

Гектор взял телефон и набрал номер. На коммутаторе отозвались почти сразу и переключили его на номер 1101. Гектору ответил женский голос.

– Доброе утро. Говорит Джо Стенли, юридический помощник мистера Бантера. Чем могу быть полезна?

Акцент среднеатлантический, выговор четкий. Прекрасно владеет голосом.

– Могу я поговорить с мистером Бантером?

– Как доложить, кто звонит?

– Меня зовут Гектор Кросс.

– Господи помилуй! Мистер Бантер ждет вашего звонка. Пожалуйста, подождите.

Гектор улыбнулся, услышав старомодное выражение «Господи помилуй!» Единственным человеком, от кого он его слышал, была его мать.

Через минуту Бантер ответил. Голос у него был высокий, слова он выговаривал внятно – точно педантичная старая дева.

– Мистер Кросс, рад, что вы позвонили.

– Мистер Бантер, когда и где мы можем встретиться?

– Сегодня я освобожусь после шести. Я знаю, что вы живете за городом. К несчастью, у меня нет транспорта...

– Я могу приехать к вам в «Ритц».

– Да, это было бы очень удобно.

Все утро Гектор работал: звонил сам и отвечал на звонки, разобрал все документы на столе. В начале второго он спустился в подсобку и надел болотные сапоги, потом взял из стойки удочку и пошел на реку. На берегу пруда Медового Месяца (так назвала Хейзел, когда они на берегу держались за руки) под длинными ветвями ивы хорошее место для рыбалки.

Трудно было надеяться на клев, забрасывая с берега. Но Гектор наживил крючок пауком-долгоножкой и с третьей попытки сумел хорошо забросить леску на форель. Леска, серебряная и алая, разматалась; крючок ушел под воду. Четверть часа Гектор думал только о рыбе, метавшейся по пруду. Когда ему наконец удалось вытащить ее на берег, он склонился к ней, восхищаясь изящными линиями и мерцающей красотой форели, потом ударом короткой дубинки, которой рыболов свершает последний обряд, прекратил ее мучения. Повар поджарил форель с грибами, и Гектор поел на террасе.

После еды он переоделся в темный деловой костюм и снова попросил подать «Бентли». Ему нравилось водить эту машину, легко слушающуюся руля. Он поехал в больницу и провел час с Кэтрин.

Гектор решил, что с каждым днем она становится все прекраснее. Выйдя из родильного отделения, он пошел к доктору Найду.

– Когда вы сможете выписать мою дочь, доктор?

Доктор посмотрел карточку Кэтрин.

– У нее все очень хорошо. Вы подготовили для ухода за ней все необходимое?

– Да.

– Вот уж действительно. Я слышал, вы переманили одну из моих лучших сестер.

– Каюсь, виноват, – согласился Гектор.

Доктор глядел печально.

– Хорошо, я выпишу вашу дочь завтра утром после обхода. Тогда вы сможете подписать документы и забрать ее.

Идя к машине, Гектор испытал необычное волнение при мысли, что его заботам поручат маленькую крупицу жизни. Кэтрин – единственная оставшаяся у него подлинная часть Хейзел.

Он выехал на дорогу в Лондон.

У бокового входа в «Ритц» Гектор передал «Бентли» привратнику и поднялся по ступеням в вестибюль отеля. Остановился перед стойкой портье. Портье уже ждали три-четыре посетителя, и Гектор встал в конец очереди. Потом небрежно осмотрел большой вестибюль и прилегающую гостиную.

В полном разгаре был священный ритуал пятичасового английского чаепития, и почти все столики в гостиной были заняты. За одним из них лицом к вестибюлю сидела женщина. Когда взгляд Гектора скользнул по ней, она встала и посмотрела прямо на него. Гектор снова поглядел на нее. Высокая и поразительно красивая. Волосы блестящие, черные, но с легкой рыжиной. На лице в форме сердца широко расставленные глаза. Даже отсюда он видел, что они зеленые, цвета морской волны, и спокойные. Она пошла к нему, грациозно переступая длинными ногами. Узкая прямая юбка на дюйм выше колена. Высокие каблуки подчеркивают изящество икр. Бедра узкие, но округлые. Серый костюм не скрывает высокую грудь. Женщина остановилась перед Гектором и улыбнулась. Улыбка была сдержанная и осторожная, но тем не менее обнажала ровные, ослепительно белые зубы. Женщина протянула руку.

– Мистер Кросс? – спросила она. – Меня зовут Джо Стенли.

Голос мягкий, произношение четкое, интонации уверенные. Гектор взял ее за руку.

– Да, я Гектор Кросс. Рад знакомству, мисс Стенли.

– Мистер Бантер ждет вас. Разрешите проводить вас в его номер.

В лифте они были не одни, поэтому молчали, пока не вышли на самом верхнем этаже. А когда прошли по коридору и остановились перед двустворчатой дверью в дальнем его конце, она коснулась руки Гектора, придержав, и тихо сказала:

– Мне очень жаль. Я хорошо знала вашу жену, она была замечательным человеком, честным и сильным. Сочувствую всем сердцем.

Гектор видел, что она говорит искренне, и был глубоко тронут.

– Спасибо. Вы очень добры.

Когда они вошли в номер, с дивана в глубине гостиной поднялся Рональд Бантер. Это был маленький аккуратный мужчина, седой, в золотых очках для чтения. Он был без пиджака, ярко-алые подтяжки не вязались со строгим в остальном стилем в одежде. Лицо у него было неприветливое. Гектор едва сдержал улыбку, вспомнив описание Хейзел: «Сборище жадюг-законников с неприятными физиономиями». Они обменялись рукопожатиями, и Гектор приметил огонек в светлых глазах Бантера. Может быть, ярко-алые подтяжки выдают его истинный характер?

– Позвольте еще раз выразить вам мои соболезнования. Мы встречаемся при трагических обстоятельствах, мистер Кросс. – Бантер показал на грудку газет на столике перед ним. На всех первых полосах – портрет Хейзел. – И заниматься нам придется невеселым делом.

– Вы очень любезны и предусмотрительны, мистер Бантер.

– Прежде чем мы начнем, позвольте предложить вам что-нибудь. Чай, кофе?

– Кофе, пожалуйста.

– Мне тоже. – Бантер посмотрел на свою помощницу. – Будьте добры, Джо.

Пока она передавала заказ обслуживанию в номерах, Бантер указал на кресло напротив, и Гектор сел, положив на стол перед собой «дипломат».

– Надеюсь, вы не возражаете против присутствия моей помощницы. Она будет записывать.

– Конечно.

Пока ждали появления официанта с сервировочным столиком, говорили о погоде, согласившись, что для этого времени года она очень приятная; вспомнили и о президентских выборах в США. Бантер был ярым сторонником республиканцев, и Гектор поддержал его. Джо разлила кофе, и, когда все взяли фарфоровые чашки, Бантер посмотрел на Гектора.

– Продолжим, мистер Кросс? – Не дожидаясь ответа, он заговорил. – Вы знаете, что я старший попечитель «Семейного доверительного фонда Генри Бэннока» и что мне принадлежит решающее слово в совете.

– Да, жена объяснила мне это.

– Ваша жена была одним из бенефициаров Фонда.

– А сколько еще бенефициаров?

Гектор произвел пристрелку, но Бантер уклонился.

– Я не вправе предоставлять такие сведения. – Огонек в его глазах погас, лицо стало каменным. Хейзел говорила ему, что так будет, но Гектору надо было проверить. Бантер продолжал:

– Некоторые активы Фонда принадлежали вашей жене на срок ее жизни. Теперь они должны вернуться под контроль совета попечителей.

– Да, об этом она тоже предупредила. Я буду во всем сотрудничать с вами.

Лицо Бантера слегка прояснилось.

– Спасибо, мистер Кросс. Может быть, вы предоставите свидетельство о смерти миссис Бэннок-Кросс? Это избавило бы нас от больших хлопот.

– Да, я могу сделать это немедленно.

Гектор открыл «дипломат» и извлек прозрачную пластиковую папку. Достал из папки документ и передвинул его по столу. Бантер коротко взглянул на бумагу.

– Вы очень деловиты, мистер Кросс.

– Думаю, вам понадобится также свидетельство о рождении у моей жены дочери.

Гектор достал из папки другой документ.

– Спасибо, но у нас есть оригиналы свидетельства о рождении и свидетельства о смерти Кайлы Бэннок.

– Нет. Я говорю не о Кайле Бэннок. Я говорю о Кэтрин Кайле Бэннок-Кросс.

Бантер очень удивился.

«Счет один ноль в мою пользу», – с удовлетворением сказал себе Гектор. Он подумал, что отыграть очко у этого маленького человека нелегко.

Бантер быстро опомнился.

– Прошу прощения, но я вас не понимаю, мистер Кросс. Ведь у вашей жены была только одна дочь?

Гектор несколько мгновений наслаждался его смущением. Потом сказал:

– За пять часов до смерти моя жена посредством кесарева сечения родила дочь. Она хотела назвать ее Кэтрин Кайлой. Вот свидетельство о рождении Кэтрин.

Бантер протянул руку через стол и взял документ. Он стал внимательно изучать его, негромко приговаривая:

– Удивительно! Какой невероятный поворот! Искра красоты на миг осветила тусклые, мрачные облака трагедии. – Потом он посмотрел на Гектора и впервые улыбнулся. – Поздравляю с дочерью, мистер Кросс.

– Спасибо, мистер Бантер.

Гектор улыбнулся в ответ и почувствовал легкое прикосновение к руке. Оглянувшись, он увидел, что Джо Стенли наклонилась и положила ладонь ему на рукав.

– Очень рада за вас. Я знаю, что Кэтрин принесет вам огромное облегчение, – искренне сказала она.

Бантер продолжал:

– Для Фонда это чрезвычайно важно. Кэтрин будет его полноправным бенефициаром.

– Хотя она и не кровная родственница Генри Бэннока? – спросил Гектор.

– Вне всяких сомнений, – сказал Бантер. – Генри был замечательным человеком. Одним из лучших людей, кого мне приходилось знать. В нем не было ни капли мелочности и злобы. Фонд будет полностью удовлетворять потребности вашей дочери, большие и малые, отныне и до конца ее дней. Присылайте нам счета, а если не сможете представить счет, то краткое описание того, что нужно, и примерную его стоимость. Фонд немедленно возместит вам расходы. Когда ваша дочь достаточно повзрослеет, чтобы зарабатывать, Фонд будет учетверять ее доходы. На протяжении всей ее жизни.

– Да, Генри Бэннок производил сильное впечатление. Я несколько раз встречался с ним по работе. Он поручил мне руководство службой безопасности «Бэннок ойл», – сказал Гектор.

– Да, знаю. Он упоминал ваше имя. Вы ему нравились, – ответил Бантер.

– Могу этим гордиться.

Бантер взглянул на часы.

– Шесть двадцать. Рановато, но, думаю, следует отметить приход вашей дочери в этот трудный мир. – Он не стал ждать ответа и повернулся к Джо Стенли. – Джо, дорогая, кажется, я видел в мини-баре бутылку «Дом Периньон».

Гектор медленно выпил бокал шампанского. Общество было приятное, и ему не хотелось возвращаться в пустой вестибюль. К его удивлению, Бантер пригласил его остаться на ужин. Втроем они ужинали среди великолепия ресторана «Ритц». Бантер оказался щедрым хозяином, Джо Стенли хорошо слушала. Конечно, обстоятельства не располагали к веселью, но один раз она рассмеялась словам Гектора, и смех у нее оказался еще более мелодичным, чем голос. Когда Гектор уходил, они проводили его до выхода. Хотя ужин был дружеский, они еще не называли друг друга по имени. По-прежнему «мистер Кросс», «мистер Бантер» и «мисс Стенли».

Пожимая Гектору руку, Бантер сказал:

– Мы с Джо завтра утром улетаем в Хьюстон, но помните: если Кэтрин Кайла в чем-нибудь будет нуждаться, только позвоните.

Гектор на прощание протянул Джо Стенли руку, и Джо без колебаний пожала ее. В его сознании опять бегло отразилась ее красота. Но ничего личного в этом не было. Таким бывает впечатление от плывущего облака или цветущей розы. Привратник открыл перед Гектором дверь «Бентли». Гектор сел в машину и уехал, не посмотрев в зеркало заднего вида.

Когда на другое утро Гектор в «рейнджровере» подъехал к больнице, с ним были Бонни Хепворт и обе младшие нянечки, вооруженные переносной колыбелью, бутылочками с молочной смесью, упаковками запасных пеленок и всем остальным, что необходимо для ухода за младенцем.

В родильном отделении их ждала небольшая группа встречающих. Все дежурные сестры пришли посмотреть, как забирают Кэтрин, и в последний раз взглянуть на ее отца. Гектор отнес Кэтрин в машину, свита шла за ним. Когда вернулись в Брэндон-холл, под портиком выстроился весь персонал во главе с Агатой и Рейнольдсом.

Кэтрин с должной церемонностью была представлена Обществу и немедленно срыгнула половину съеденного из бутылочки на вышитую пеленку и на лацканы отцовского пиджака. Гектор мгновенно встревожился и хотел взять ее назад в больницу, но няня Бонни сумела его разубедить.

– Все младенцы рыгают, мистер Кросс.

– Ну, тогда хотелось бы, чтобы она делала это не на меня.

Как только Кэтрин поселилась в своих новых квартирах, большой дом как будто бы вернулся к жизни, всюду слышались шорохи и взбудораженный женский смех. Но Гектор словно оставался в стороне от всего.

В завещании Хейзел требовала как можно более быстрой кремации. Но коронер не выдавал тело, пока не поступили результаты вскрытия. Гектор ночами лежал без сна, представляя себе, как уродуют тело женщины, которую он будет любить до конца жизни. Ожидание казалось нестерпимым, но наконец ему вернули ее останки.

Гектор хотел сделать кремацию частной, очень малочисленной церемонией, но за время задержки новость о смерти Хейзел распространилась широко. Несколько сот человек слетелось со всего света, чтобы отдать ей последнюю дань уважения. Вдобавок хотел присутствовать весь штат обоих домов, в Брэндон-холле и Белгравии. Но Гектор по-прежнему пытался сохранить в тайне рождение Кэтрин Кайлы. Она находилась на попечении нянек.

Хейзел лежала в закрытом гробу. Накануне вечером Гектор наведился в погребальную контору. Он не хотел, чтобы холодное лицо жены было открыто всем любопытным взорам. В церкви он сидел в первом ряду один. Церковь была украшена белыми амарантами. Священник, которого Гектор видел впервые, прочел проповедь. Когда служитель нажал на кнопку, отправляющую гроб на конвейер и в открывшуюся дверцу, лицо Гектора оставалось бесстрастным. Когда дверца закрылась, он встал и пошел по проходу к двери. Смотрел он прямо перед собой, не узнавая никого из собравшихся.

Ночью он один сидел в длинной столовой Брэндон-холла. В поисках забвения он осушил две бутылки кларета. Он не пьянел, но с каждым стаканом вина гнев его разгорался все сильнее и наконец превратился в ревущее адское пламя, грозившее поглотить его.

На следующее утро Гектор проснулся трезвым и держал свой гнев в узде. Он принял три таблетки аспирина и тщательно почистил зубы – таково было его средство от похмелья. Затем принял душ, оделся и спустился в кабинет. Горничная оставила на столе «Таймс». Газета лежала первой полосой вверх, и он еще с середины комнаты смог прочесть заголовок. Несколько мгновений он стоял, замерев от ужаса, потом справился с собой, несколькими быстрыми шагами пересек кабинет и схватил газету.

Убитая родила на смертном одре

Нам стало известно, что смертельно раненная миллиардерша Хейзел Бэннок-Кросс за пять часов до смерти родила дочь. Малютка пребывает в добром здравии и в четверг была выписана из Королевской больницы графства Хэмпшир и передана отцу, мистеру Гектору Кроссу, проживающему в Брэндон-холле близ Смоллбриджа в графстве Хэмпшир...

Гектор просмотрел статью. Излагались все подробности – и излагались в основном верно. Он скомкал газету и швырнул о стену.

– Ублюдки! – взревел он. – Проклятые ублюдки!

Он повернулся, выбежал из кабинета и, перепрыгивая через ступеньки, поднялся на следующий этаж. Ворвался в детскую, но на пороге заставил себя успокоиться. Кэтрин голышом лежала на столе попой кверху и дрыгала ногами, а Бонни, склонившись к ней, припудривала нижнюю часть ее тела белым порошком – тальком.

– Мистер Кросс! – удивленно воскликнула она. – Что случилось?

– Ничего. – Гектор попятился. – Хотел кое-что проверить. Все в порядке?

Бонни улыбнулась.

– О да. Мы только что оприходовали целую бутылочку и очень хорошо покакали.

Это использование множественного числа породило в сознании Гектора жуткую картину.

– Хорошо. Очень хорошо. Теперь слушайте меня, Бонни. Все здесь упакуйте. Мы немедленно переезжаем в лондонский дом.

Пресса разнесла новость о рождении Кэтрин. И теперь Зверь точно знает, где ее найти.

– Все упаковать? – Бонни смотрела недоверчиво. – Но мы только устроились! Вы правда хотите этого, сэр?

– Да, правда хочу. Постарайтесь все сделать сегодня же, к часу дня.

Гектор вернулся в кабинет. Взял внутренний телефон и набрал домашний номер главного егеря.

– Пол, я хочу, чтобы ворота поместья все время были закрыты. Поставьте у всех выходов своих помощников. Всех вооружите дробовиками. Всем посторонним вход в поместье воспрещен. Понятно?

– А как же доставка из деревни, мистер Кросс? Должен прийти фургон из Фарнхема с кормом для кур.

– Убедитесь, что водителя узнают. Никаких незнакомцев.

Он повесил трубку и осмотрел комнату, составляя список предметов, которые возьмет с собой в Лондон. Их было немного. Со своим обычным вниманием к мелочам Хейзел продублировала основную обстановку в обоих домах. В большинстве случаев достаточно выйти из одного дома и войти в другой. Даже у Кэтрин есть там своя детская. Если бы только в тот роковой день они остались в Лондоне! Они не попали бы в засаду, и, может быть, Хейзел была бы еще жива. Он с горечью стал вспоминать, как называлась книга, которую она оставила в Брэндон-холле.

Взяв телефон, он набрал номер лондонского дома в Белгравии. Ответил дворецкий.

– Вы позвонили в резиденцию Кросса. Чем могу помочь?

– Доброе утро, Стивен.

– А, мистер Кросс! Как вы, сэр? Все здесь потрясены смертью миссис Кросс. Спасибо, что пригласили нас на панихиду.

– Спасибо, Стивен, – хрипло ответил Гектор. – Я приеду сегодня днем с ребенком и его нянями. Останемся на неопределенный период. Пожалуйста, приготовьте все к нашему приезду.

Ворота Брэндон-холла были закрыты, и на страже с дробовиком в руке стоял Пол Стоув, главный егерь. Гектор опустил боковое окно «рейнджровера», чтобы переговорить с ним. Пол

служил в САС⁹, в той же части, что некогда и сам Гектор. В Афганистане в схватке с талибами он был тяжело ранен и после выписки из госпиталя уволен с военной службы. Когда Пол обратился с просьбой назначить его главным егерем, Гектор ни минуты не колебался и впоследствии ни разу не пожалел о своем решении. Гектор повторил распоряжение постоянно держать ворота закрытыми и не впускать в поместье незнакомых людей. Они поехали дальше, и в зеркало заднего вида Гектор наблюдал, как Пол затворяет за ними стальные ворота. Три часа спустя он въехал в подземный гараж дома номер одиннадцать в Белгравии. Вел машину Гектор небыстро, так что для Кэтрин поездка прошла спокойно.

Когда час спустя после приезда он наведлся в детскую, Кэтрин уже поела, срыгнула и крепко спала в своей колыбели. И он впервые за весь день расслабился.

Среди вещей, привезенных из Брэндон-холла, был его любимый портрет Хейзел. Гектор повесил его на стену в своем кабинете перед столом даже раньше, чем включил компьютер.

Как только компьютер включился, Гектор открыл почту. Одним из первых среди множества сообщений было то, которого он ожидал.

Мы с Настей прилетаем из Эмиратов в этот четверг рейсом ЕК-005 в 18:00 по гринвичскому времени. Хитроу, терминал 3. Можешь встретить? Есть новости. Пэдди.

Двадцать четыре часа спустя они вышли через ворота прибытия. Их ждал Гектор. Морщинистое лицо Пэдди загорело до коричневого цвета какао. Лицо и голые руки Насти покрывал медно-золотистый загар. Оба казались полными жизни, оба в отличной форме. Гектор по очереди обнял их. У обоих тела были упругие, как у тренированных спортсменов, что, конечно, соответствовало истине.

– Остановитесь у меня, в номере одиннадцать, – сказал он им.

– Я надеялась, что ты это скажешь, – ответила Настя. – Приятно, когда для разнообразия с тобой обращаются, как с герцогиней.

– Ты не герцогиня, Настя. Ты *царина*.

– Почему ты вечно несешь чушь, Гектор Кросс?

Она попыталась притвориться высокомерной, но у нее ничего не получилось. Гектор знал, что в глубине души ей нравится, когда он ее так называет. Она расцеловала его в обе щеки.

Они погрузили багаж в «рейнджровер». Пэдди сел рядом с водителем, Настя устроилась сзади. Гектор сдержал улыбку: когда Настя не приканчивает того, кто ей досадил, она очень успешно играет роль покорной жены.

Едва они остались одни, Пэдди и Настя снова выразили соболезнования в связи со смертью Хейзел и решимость отомстить за нее. Гектор отвечал неловко, с трудом сохраняя внешнее спокойствие. Все испытали облегчение, когда разговор стал более спокойным и обычным. Они давно не виделись и обменивались новостями об общих друзьях и знакомых, а Пэдди рассказал Гектору о деятельности «Кроссбоу секьюрити».

На шоссе движение было умеренным, и Гектор мог все внимание уделить важному.

– Ты сказал, для меня есть новости, Пэдди. Хорошие или плохие?

– Всекие. Сначала хорошие. Настя нашла отличный безопасный дом для твоей Кэтрин. Как ты и предлагал, это верхний этаж одного из новых небоскребов принца Мухаммеда на берегу. Есть отдельный лифт. На крыше вертолетная площадка и бассейн. Достаточно места

---

⁹ Специальная воздушная служба (*англ.* Special Air Service, SAS) – подразделение вооружённых сил Великобритании. Является частью войск специального назначения Великобритании (UKSF) и послужила моделью для подразделений специального назначения во многих других странах по всему миру.

для отряда сотрудников службы безопасности. Можно сделать этаж неприступным. Это хорошая новость.

– А плохая? – приподнял бровь Гектор.

– За этаж принц хочет сто двадцать миллионов долларов, выплата при подписании контракта.

– Господи Иисусе! – воскликнул Гектор. Пэдди мотнул головой.

– Иисус в этой сделке не участвует. Принц в него не верит.

– А может он сдать этаж в аренду?

– Может. Но это немногим лучше. За год аренды он хочет пятнадцать миллионов долларов. Самая низкая цена для друзей, как он выразился.

Гектор быстро размышлял.

– Он взял нас за яйца, – сказал он наконец.

– Вас, – самодовольно заметила Настя.

– Ты можешь унять свою жену, Пэдди? – спросил Гектор и снова замолчал, обдумывая проблему.

Рональд Батлер заверил его, что «Доверительный фонд Бэннока» оплатит все расходы Кэтрин. Это не роскошь, а необходимость. На кону безопасность Кэтрин, я то и ее жизнь. Пора проверить старину Ронни. Гектор решил, если Бантер откажет, оплатить аренду самостоятельно. Видит бог, Хейзел оставила ему для этого «кое-какую валюту». Кэтрин должна поселиться в безопасном доме, и цена в данном случае не имеет значения.

– Надо брать. За год выплатим. Как скоро можно переехать?

– Да хоть сейчас. Мебель и оборудование включены в стоимость. Там уже сегодня можно прекрасно жить. Когда Кэтрин окажется там, в безопасности, сможешь добавить несколько финальных штрихов. Сколько времени тебе нужно, чтобы перевезти ее в Абу-Зару?

– Чем быстрее, тем лучше, – сказал Гектор. – Каждый день сильно увеличивает риск. Прошу извинить меня на несколько минут. Я должен поговорить с другом.

Он посмотрел на часы. В Хьюстоне на шесть часов меньше.

У него в телефоне есть личный номер Рональда Бантера.

– Бантер слушает.

Его мысли прервал голос старой девы, который невозможно было не узнать.

– Добрый день, мистер Бантер. Говорит Гектор Кросс.

– Рад слышать, мистер Кросс. Чем могу быть полезен?

Гектор объяснил. Бантер молча слушал, пока он не умолк. Потом негромко спросил:

– А другие возможности обезопасить Кэтрин, мистер Кросс?

– Других возможностей нет, мистер Бантер. Вы знаете, что они сделали с матерью Кэтрин.

– Мне следует поговорить с остальными попечителями. Я вам позвоню, мистер Кросс, до конца сегодняшнего рабочего дня.

– Спасибо, мистер Бантер.

Он завершил разговор и взглянул на Пэдди.

– Ладно, что еще ты можешь мне сказать? Судя по твоей физиономии, у тебя туз в рукаве.

– Мы уже почти приехали, – сказал Пэдди. – Погоди, пока не будем там.

– Хорошо, – неохотно согласился Гектор. – Вас ждут ваши обычные комнаты. Но сначала поздоровайтесь с Кэтрин. Потом дам вам полчаса на то, чтобы принарядиться. Хейзел сделала обязательным правилом: джентльмены переодеваются к ужину.

– Не вижу джентльменов, – фыркнула Настя.

– Не поощряй ее, – печально сказал Пэдди. – Русские шутки подобны русским снайперам: хорошо замаскированы, и их трудно заметить.

Когда Настя в первый раз увидела Кэтрин, с ней произошла странная перемена. Она словно растаяла, как блестящий лист титановой стали в электрической печи. Взяв Кэтрин на руки, она заговорила с ней по-русски. Кэтрин старалась определить источник этих варварских звуков, ее голубые глаза близоруко ворочались в глазницах. Потом Настя обвиняюще посмотрела на Пэдди.

– Почему ты не подаришь мне такую же?

– Будь справедлива! – вознегодовал Пэдди. – Я стараюсь изо всех сил!

Когда удалось вывести Настю из детской, Пэдди увел ее в их комнаты.

Часом позже они спустились в кабинет Гектора. Пэдди был в строгом вечернем костюме, с наградами, а Настя зачесала волосы вверх и надела платье с глубоким вырезом.

– Боже мой, Пэдди! Умеешь ты подобрать себе спутницу. – Гектор с преувеличенным благоговением посмотрел на нее. – Вон какую красавицу привел.

Настя послала ему воздушный поцелуй. Гектор уже успел смешать для нее водку с соком лайма и отмерить большую порцию виски «Джеймесон» для Пэдди.

– Хорошо, – сказал он. – Садитесь. Выпейте, потом поговорим.

Пэдди сделал глоток и шумно выдохнул.

– Ничего подобного по эту сторону от Дублина не найти, – сказал он, отчаянно изображая ирландский акцент.

– Скажи что-нибудь поинтересней.

– Тарик нашел след того, кого мы упустили, когда истребляли отродий Типпо Типа.

Гектор выпрямился в своем кресле с высокой спинкой и отставил стакан.

– Слушаю, – негромко сказал он.

– Как мы договорились, я опять отправил Тарика в Пунтленд. Это его родина, там его не заподозрят. У него там семья и друзья. Он поехал на автобусе. Вначале отправился к старой пиратской базе в заливе Ганданга. Там ничего, все брошено.

– Это меня не удивляет, – мрачно улыбнулся Гектор. – Мы там очень постарались.

– Выжженная земля, – согласился Пэдди. – Потом Тарик отправился к крепости Типпо Типа в Оазисе Чудес, где ты освободил Кайлу от Зверя. Там в развалинах ютятся несколько уцелевших. В том числе наложница Хана. Тарик сказал, что это старая карга, слепая, как сова, и едва живая от голода. Тарик накормил ее и расспросил. Хотя она не помнит, что ела на завтрак, но события двадцатилетней давности вспоминает совершенно ясно. На два столетия в прошлое описывает родословное древо Типпо Типа. Клянется, что родила Хану двойню: мальчика и девочку. Она сказала Тарику, что ее сына звали Камаль и что это он командовал пиратским флотом. Вероятно, тот самый парень, которого ты застрелил на борту «Золотого гуся».

– Я его никогда не забуду, – улыбнулся Гектор. – Потребовалось пять девятимиллиметровых пуль, чтобы он успокоился.

– Крепкая сволочь, – согласился Пэдди.

– Да не такая уж крепкая, – впервые заговорила Настя. – Вопил, как ребенок, когда я сломала ему палец.

Гектор громко рассмеялся.

– А я и забыл, что нельзя сердить твою жену.

– Нет, узнаешь ее хорошо, так она добрая и мягкосердечная. – Пэдди ласково посмотрел на Настю. – Однако я отвлекся. По словам этой старухи, утверждавшей, что она мать Камалы, его сестра-близнец в шестнадцать лет родила сына. То есть внука Типпо Типа.

– Продолжай! – поторопил Гектор. – Старуха назвала его имя? Что с ним стало? Он жив?

– Его зовут Азим Мухтар Типпо Тип. В двадцать лет он уехал из Африки в Лондон изучать ислам в Большой мечети в Риджентс-Парке.

– Он еще в Лондоне? Его бабушка знает? – спросила Настя.

– Нет, не знает. Она вообще почти ничего не знает о последних событиях. Большую часть времени живет в вымышленном мире. Не знает, где она сама, не говоря уж о внуке. Я позвонил в лондонскую мечеть и поговорил с муллой. Он видел Азима Мухтара во плоти и слышал его проповедь. Этот Азим Мухтар стал важным священнослужителем, очень популярным на Ближнем Востоке; он человек влиятельный и сильный.

– Рад слышать. Когда я покончу с этим Азимом Мухтаром, он отправится прямиком в объятья Аллаха, – мрачно сказал Гектор. – Как нам его отыскать, Пэдди?

Пэдди подумал и задал свой вопрос:

– Думаю, снайперский выстрел с большого расстояния, когда он будет выходить из мечети, тебя не устроит?

– Верно, – согласился Гектор. – Я хочу заглянуть ему в глаза и в душу. Пусть знает, кто я и за что ему приходится платить. Хочу рассказать ему о Хейзел. А потом пусть увидит, как к нему приходит черный ангел. Пусть умирает медленно, хочу слышать его крики.

Даже Пэдди потрясла сила гнева Гектора. Ему потребовалось время, чтобы обдумать ответ.

– Я не говорю, что схватить его невозможно, однако... тут есть сложности. Но по крайней мере не придется прыгать с парашютом в пустынную крепость, как было, когда мы имели дело с его дедом. Совершив молитвенные ритуалы, Тарик проследил за ним и его свитой до дома, где он живет, – квартал в километре от мечети. Подойти близко к зданию, не привлекая внимания, он не мог. Но говорит, что здание большое и окружено высокой стеной. Туда вообще трудно подойти: слишком много глаз. У входа вооруженная охрана. С учетом твоих условий справиться будет вовсе не так легко, как хотелось бы.

Гектор поднял стакан и смотрел на него, вращая золотистое виски в его глубине. Но заговорить не успел: телефон на его столе заиграл начальные такты «Американского пирога».

– Простите, мне нужно ответить. – Он поднес трубку к уху. – Кросс слушает! Спасибо, что не забыли, мистер Бантер. Есть новости?

– Я говорил с коллегами, и мы решили, что безопасное жилье для Кэтрин – законное требование к Фонду, равно как и стоимость всех прочих мероприятий по обеспечению безопасности. Далее, в данный момент в аэропорту Фарнборо стоит «Бизнес-джет» Фонда. Экипаж получил указание перевезти вас с Кэтрин в Абу-Зару. Очевидно, чем скорее она окажется в безопасности, тем лучше.

– Очень благодарен вам и вашим коллегам попечителям, мистер Бантер.

– Мы не можем сделать меньше, мистер Кросс. Пожалуйста, звоните, если Кэтрин в дальнейшем понадобится что-то еще. До свидания, сэр.

Гектор вернул телефон в карман.

– Хороший человек Бантер, – сказал он и посмотрел на Пэдди. – Спасибо, Пэдди. Ты дал мне пищу для размышлений. – Он посмотрел на часы. – А в данную минуту я голоден. Пойдемте-ка в столовую, посмотрим, что приготовил для нас повар.

На первое подали жареные устрицы «фин-де-клер»¹⁰ на половинках раковин в божественно вкусном голландском соусе и к ним ледяное шабли. Только Гектор успел положить в рот первую устрицу и закатить глаза от удовольствия, как снова зазвонил айфон. Гектор чертыхнулся с набитым ртом.

– Какого дьявола звонить в такое время? – Он взглянул на освещенный экран телефона. – Это мой егерь из Брэндон-холла. Мне не обязательно говорить с ним в разгар ужина. Прошу прощения, сейчас выключу эту адскую машину.

---

¹⁰ Французское блюдо: крупные устрицы, выращенные в садках.

– Нет¹¹, Гектор, – сказала Настя. – В такое время это неразумно.

Гектор знал, что ее *not very vice* означает *not very wise*¹². Он научился уважать советы Насти. У нее хорошо развито чутье воина. Он снова поднес телефон к уху.

– Пол, что бы это ни было, давайте покороче. Мы ужинаем, – сказал он. В ответ послышался голос Пола Стоува, такой взбудораженный и громкий, что все за столом его отчетливо слышали.

– Сэр, Холл горит. Четверо моих людей попали в огонь.

– О боже, Пол! Как это вышло?

– Зажигательные гранаты, сэр. – Пол старый солдат. – Я везде узнаю запах горящего фосфора. Две гранаты подряд. Я услышал взрыв, а в следующее мгновение весь дом пылал.

– В какую часть дома бросали? – спросил Гектор.

– В спальное крыло. Похоже, одна граната через окно попала в ваш кабинет сразу под хозяйской спальней, а вторая – в библиотеку под детской.

Гектор быстро усваивал информацию. Нападающие должны были знать план дома. Нападение нацелено точно. Гектор явственно представил себе, какими могли быть последствия, если бы они с Кэтрин ночевали сегодня в Холле. Термит в зажигательной гранате горит при температуре 2200 градусов по Цельсию. Он способен мгновенно расплавить сталь.

– Кто-нибудь видел нападавших? Имеете хоть какое-то представление, кто они?

– Сегодня в сумерках два подонка пробрались в поместье.

Голос Пола звучал уверенно и гневно.

– Откуда вы знаете, Пол?

– Я нашел их машину, новенькую «Воксхолл-Зафиру», которую они спрятали за стеной поместья снаружи, по ту сторону Корнер-Стоун-драйв. Я возвращался домой, когда заметил кое-что, чего вчера не было, – груды зеленых веток. Вы велели быть настороже. Поэтому я прихватил мясницкий нож и пошел посмотреть. Нашел под ветвями машину, а оттуда проследил этих двоих до того места, где они перелезли через стену. Мне потребовалось полчаса, чтобы вернуться в Холл, – пришлось идти к каменному мосту через реку. К тому времени уже стемнело, и, проходя нижним лугом, я услышал взрыв и увидел огонь. Бесполезно было искать негодяев, потому что совсем смерклось. Моим первым долгом было спасать людей, оставшихся в Холле. Несомненно, подонки отправились обратно, туда, где оставили машину. Но машина не заведется. Я об этом позаботился.

– Как? – спросил Гектор.

– Со мной был лизермановский универсальный набор, поэтому я первым делом вытащил свечи зажигания и бросил в реку. Сегодня подонки могут уйти только пешком.

– Что вы делаете сейчас, Пол?

– Пытаюсь спасти бедняг из огня. Но не думаю, что есть надежда. Пламя такое сильное, что нельзя даже подойти. Уже рушится крыша.

– Вы правильно поступаете, Пол. Выезжаю на помощь. Ночью движение небольшое; буду у вас меньше чем через два часа.

Он дал отбой и посмотрел на Пэдди.

– Опять Зверь, – сказал Пэдди. – Никаких сомнений. Они читают газеты, узнали о Кэтрин и подумали, что она в Брэндон-холле. И пришли по ее душу. – Он помолчал и добавил: – И по твою, Гектор.

– Переодевайтесь, и поехали, – сказал Гектор.

Бросив устрицы и вино почти нетронутыми, они побежали по главной лестнице в свои спальни. Всего через несколько минут все трое снова встретились на лестнице, одетые в проч-

---

¹¹ В оригинале по-русски, пует.

¹² Настя говорит по-английски с акцентом. По-английски *wise* – разумный, мудрый, *vice* – порок, зло, недостаток.

ную одежду. Гектор прихватил ирландскую дубинку, сделанную из терна. Когда они добрались до «рейнджровера» в подземном гараже, он бросил дубинку на заднее сиденье.

Быстрая езда по почти пустым дорогам за час двадцать привела их в Винчестер. Проезжая через город, Гектор снова позвонил Полу Стоуву.

– Расскажите, что случилось за это время, Пол.

– Пожарные справились с огнем, но он и сам почти потух. Нашли два тела. Пока невозможно сказать, кто это. Слишком обгорели.

– Бедняги! Пусть пожарные делают свое дело. Надо постараться схватить ублюдков, бросивших гранаты. Если они пошли пешком, то все еще должны быть в дороге. Сейчас мы проезжаем через Винчестер. Будем обыскивать дорогу отсюда до Брэндон-холла. Но они могли пойти не сюда, а на юг, к Саутгемптону. Возьмите один из «лендроверов» и осмотрите ту дорогу. Прихватите пару помощников и убедитесь, что у них с собой дробовики. Мы имеем дело с убийцами.

Гектор завершил разговор и через плечо сказал сидевшей на заднем сиденье Насте:

– В ящике за тобой прожектор. Достань и включи в розетку рядом с пепельницей между сиденьями. Потом открой люк в крыше. Если встанешь на сиденье, то даже с твоим ростом сможешь высунуть голову и плечи в люк. Освещай прожектором обе стороны дороги. Местность отсюда до поворота на Брэндон-холл ровная, но они могут спрятаться за деревьями, когда увидят нас.

Они поехали дальше, дорога оставалась пустой. Деревенские жители по ночам не ездят, поэтому на следующих пяти милях им не встретилось ни одной машины. Потом они миновали резкий поворот на лесистой местности, впереди начался спуск, с обеих сторон тянулись открытые поля. И в двухстах ярдах прямо перед собой в свете прожектора, который держала Настя, они увидели две темные мужские фигуры, идущие к ним по белой разделительной полосе.

Деревья скрывали приближение «рейнджровера», и потому мужчины были захвачены врасплох. Несколько решающих секунд они стояли на месте, а машина неслась на них.

Лица у обоих закрывали капюшоны курток. Двое быстро опомнились и бросились наутек. Они были достаточно глупы, чтобы их заметили на дороге, и подтвердили свою виновность, убегая, но им хватило ума не держаться вместе. Они разделились, словно заранее договорились об этом. Один бросился налево, перебрался через изгородь и побежал вверх по полю недавно посеянной озимой пшеницы к темным деревьям рощи, которые виднелись были на вершине на фоне звезд.

Второй побежал в другую сторону, через изгородь и по открытому полю к тому, что казалось небольшим ручьем, текущим с холма вдоль дороги.

Доехав до того места на дороге, где злоумышленники сошли с нее, Гектор затормозил и распахнул дверцу. Доставая с заднего сиденья дубинку, он крикнул:

– Пэдди, вы с Настей берите того, что с вашей стороны. Я за вторым ублюдком.

Настя выбралась через люк, прыгнула и приземлилась, прекрасно сохранив равновесие. Она добралась до изгороди раньше, чем Пэдди вышел через боковую дверцу. Используя склон насыпи для разгона, она ринулась к изгороди. Подскочила, оперлась рукой о столбик изгороди, сложилась вдвое и приземлилась на другой стороне. Пшеница высотой не больше фута нисколько не мешала ей бежать. Настя догоняла убегающего мужчину быстро, как гончая – зайца, и настигла его задолго до того, как он добрался до деревьев; Пэдди был еще в двадцати ярдах за ней.

Мужчина услышал шорох пшеницы позади и обернулся. Увидев преследующую его худую фигурку, он сунул руку в карман, достал складной нож и со щелчком раскрыл. Принял защитную стойку и выставил нож в ее сторону.

– Иди сюда, сучка, – сказал он, отдуваясь. – Я отрежу твои пальчики и запихаю их тебе в зад.

Настя и не подумала остановиться. Продолжая нестись на него, она в самый последний миг прыгнула ногами вперед, ударилась о землю плечами, вскочила и одновременно выбросила вперед ноги, быстро и с силой – так выпускают из лука стрелу.

Захваченный врасплох, ее противник не успел среагировать. Он закричал от боли, когда Настя ногой ударила его по правому запястью. Но даже его крик не заглушил треска лопнувших костей. Нож вылетел из его руки и описал высокую дугу. Настя использовала инерцию бега, чтобы вскочить на ноги. И аккуратно поймала за рукоять падающий нож.

Прижимая к груди раненую руку, человек попятился от нее, но Настя безжалостно погналась за ним, размахивая ножом в нескольких дюймах от его лица.

– На колени! – приказала она. – Встань на колени, чертов сын, или я отрежу твои вонючие яйца, запихну в твою грязную пасть и заставлю тебя сожрать их.

– Подожди! – взвыл он. – Я сделаю... Сделаю все, что скажешь.

Он опустился на колени, оберегая поврежденное запястье, и оказался в прекрасном положении для нового пинка. Удар пришелся ему в подбородок. Он упал на спину и лежал, давась кровью из прокушенного языка.

Пэдди остановился рядом с Настей и посмотрел на фигуру, дергающуюся в пшенице.

– Иисус-Мария! Ты мало что мне оставила, верно, жена?

В нижней части дороги Гектор догонял человека, которого преследовал. Тот как будто был гораздо моложе Гектора, но Гектор быстрее и сильнее.

Он хотел избежать рукопашной с противником, почти несомненно вооруженным ножом. Оказавшись в десятке шагов от дичи, он взмахнул дубинкой и бросил ее вперед. Детство он провел в Африке, и все его туземные товарищи прекрасно умели бросать палки. Даже самые маленькие из них могли с двадцати шагов сбить летящую куропатку. Они хорошо выучили Гектора. Дубинка ударила человека сзади по ногам, и он, вскрикнув от изумления, упал.

Гектор, не останавливаясь, подобрал дубинку. Подбегая к упавшей жертве, он быстро прикидывал. Если он перебьет противнику ногу, то непременно остановит его, но потом придется тащить его обратно на холм, где он оставил машину. С другой стороны, сломанная рука остановит убегающего почти так же успешно, но он сможет сам дойти к «лендроверу», особенно если подбадривать его тупым концом дубинки. Гектор остановился над человеком, который инстинктивно закрыл лицо руками, со всего размаха ударил дубинкой по локтю, перебив кость. Человек завопил.

Гектор схватил его за запястье раненой руки и вывернул. Человек снова завопил. Гектор поставил его на ноги.

– Господи, больно! – снова закричал тот.

– Не надо так говорить, – сказал Гектор. – Ты надрываешь мне сердце.

Он заломил ему руку за спину и повел его на холм, к машине. Добравшись до «ровера», он увидел, что к нему идут Настя и Пэдди. Пэдди нес пленного на плечах, как пожарный.

Добравшись до изгороди, он перебросил через нее свою ношу и крикнул Гектору:

– Принюхался к нашему молодому другу?

– Конечно, – ответил Гектор. – Мой пахнет чесноком. А как ваша добыча?

– Разит тем же самым.

Пэдди глядел серьезно.

– Что еще пахнет чесноком? Пожалуйста, напомните, – попросил Гектор.

– Может, горящий белый фосфор из зажигательной гранаты? – спросил Пэдди.

Гектор щелкнул пальцами.

– Точно! – Он дернул человека за поврежденную руку. – Мы случайно не жгли недавно никакие дома? – Жертва пронзительно закричала. – Ответ утвердительный, – сказал Гектор и толкнул его в открытую заднюю дверь машины.

Пэдди перелез через изгородь, за ноги выволок пленного из канавы, поднял и бросил в «ровер» на его товарища. Гектор захлопнул дверцу и запер ее снаружи.

– Настя, пожалуйста, держи наготове свой новый нож – вдруг кто-нибудь из этих замечательных парней начнет шуметь, – попросил Гектор, когда все уселись в машину. И, прежде чем включить двигатель, позвонил Полу Стоуву.

– Порядок, Пол. Можешь объявить отбой и вернуться к себе. Мы отловили обоих беглецов.

Он завел «ровер» и не торопясь поехал в поместье Брэндон-холл. Перебравшись через мост на реке Тест и оказавшись за воротами поместья, Гектор не поехал прямо к Холлу, а свернул налево и по проселочной дороге направился к Старому Амбару. В дни охоты в этом отремонтированном здании устраивали обеды. Оно стояло почти в полумиле от Холла, скрытое от него деревьями. Гектор остановился у дальней от главной дороги стороны здания. Никто не увидит и не услышит, что будет происходить внутри.

Настя прошла вперед, открыла дверь и включила свет, а Гектор и Пэдди вывели пленников из машины и вслед за Настей вошли в просторное здание.

– Пригляди за ними, Пэдди, – попросил Гектор, хотя видел, что у тех не осталось сил сопротивляться. Он прошел к ряду шкафов у дальней стены амбара и принес большой моток желтого электрического кабеля и ножницы для резки проволоки. По очереди привязал пленников к стульям с высокими спинками, оставив у каждого свободной только раненую руку. Все это он проделал быстро и аккуратно. Оба пленника были совершенно беспомощны.

– Ну-с, положите свободные руки на стол перед собой, – приказал он.

Когда они замешкались, Гектор схватил одного за запястье. Резко вывернул. Человек закричал, и его лицо под капюшоном побледнело. На лбу и на подбородке выступил пот.

– Ну! – сказал Гектор.

– Хорошо, хорошо! Полегче, приятель, – пробормотал тот, у которого прокушенный язык распух и заполнил рот. Он осторожно протянул руку Насте, и Настя наклонилась к нему, охватила его запястье петлей из проволоки и прочно привязала.

– Черт, парень! – закричал тот. – Убить меня хочешь?

– Тебе нужно кое-что знать, товарищ, – ответила Настя. – Во-первых, мне не нравится, что ты ругаешься. Во-вторых, я не парень. В-третьих, я бы с удовольствием тебя убила. Пожалуйста, дай мне предлог.

Второй пленник наблюдал за тем, что происходит с его товарищем, и покорно протянул Пэдди раненую руку. Пэдди набросил на нее проволочную петлю.

Гектор остановился за пленными и сдернул с их голов капюшоны. Потом обошел стол и встал между Пэдди и Настей. Некоторое время он разглядывал пленников.

Оба лет двадцати с небольшим, оба белые. Он ожидал, что их кожа будет одного цвета с кожей убийцы Хейзел.

Это ничего не значит, напомнил себе Гектор. Он знал чудовищных негодяев, и некоторые из них были белыми, а некоторые из лучших людей – черными.

Он изучал человека, пойманного Настей. Плотного сложения, темные спутанные волосы, плоские славянские черты, желтые прыщи и шрамы от угрей на подбородке и на щеках. Человек сильно потел от боли. Он не мог оторвать взгляда от Насти, которая держала его на куске кабеля, как на поводке. Она в ответ холодно смотрела на него.

Второй был долговязый, хилый. Русые волосы уже редели. Глаза светло-карие, передние зубы кривые и гнилые. Гектор через стол чувствовал тяжелый запах у него изо рта.

– Очень хорошо, джентльмены. Прошу слушать внимательно. Меня зовут Гектор Кросс. Я тот, кого вы пытались сжечь. У меня есть дочь Кэтрин, еще грудная. Вы пытались убить и ее. Поэтому я не очень расположен к вам обоим, ясно? – Он дал им несколько секунд, чтобы усвоить услышанное, и продолжал: – Хотите вы или нет, но вам придется ответить на несколько

вопросов. Если ответите правильно, получите десять пирожных. Если навешаете лапши на уши, мы выкрутим больную руку. – Он взглянул на того, со шрамами от угрей. – Ты знаешь, милый мальчик, что такое «навешать лапши на уши»?

– Соврать, – ответил тот. Из угла его рта показалась тонкая струйка крови. Он слизнул ее. Язык, прокушенный его собственными зубами, распух и посинел.

– Верно. Начнем?

Он не стал ждать ответа. Взял у Насти и Пэдди концы кабеля и взял в обе руки.

– Первый вопрос тебе. – Он посмотрел на парня с плохими зубами. – Знаешь ли ты, что у тебя дурно пахнет изо рта?

– Нет, не пахнет.

– Ответ неверный, – сообщил Гектор и дернул кабель. Сломанные кости запястья щелкнули, как игральные, человек закричал и забился, пытаясь вырваться. Но наконец, тяжело дыша и всхлипывая, обмяк.

Гектор негромко повторил вопрос:

– Давай разберемся. Так воняет у тебя изо рта или нет?

– Да! Да! Воняет!

– Верно. Поэтому я буду называть тебя Вонючка.

Он повернулся ко второму.

– Ты знаешь, что у тебя прыщи?

– Ну да. Есть немало.

– Нет, много. Короче, это твое новое имя. Скажи-ка, Прыщавый, где вы взяли зажигательные гранаты?

Взгляд темных глаз сместился. Гектор поднял левую руку с концом кабеля.

– Живо, – предупредил он.

– Ниггер дал.

– Очень любопытный ответ, хотя и оскорбляет мое чувство политкорректности. – Гектор улыбнулся, и его улыбка была страшнее мрачной гримасы. – Будем называть вашего поставщика гранат Достойный Африканский Джентльмен, сокращенно ДАГ?

– Как угодно.

Прыщавый пожал плечами и поморщился от боли, которую причинило это движение.

– Как его звали, этого ДАГа?

– Не знаю.

– Осторожней! – сказал Гектор и показал кабель.

– Клянусь могилой матери. Я не знаю. Я не спрашивал, а он не сказал.

– Как ты с ним познакомился?

– Человек, с которым я когда-то работал, порекомендовал меня.

– Какой работой ты занимался раньше? Мокрой?

– Да, мы вздули старика, который задолжал денег и не платил. Чтобы другим была наука.

– Как звали старика и где вы это с ним сделали?

– Кажется, его звали Чарли Бин, но адрес не помню; где-то в Кройдоне. – Он повернул голову, чтобы посмотреть на товарища. – Где это было, Бронзо?

– Пульсон-стрит, шестнадцать, – пробормотал тот.

– Вы оба умники. – Гектор захлопал в ладоши. – Чем вы проучили Чарли Бина? Ножом?

– Нет. Ключкой для гольфа.

– А где вы нашли ключку для гольфа?

– В сумке, которая висела за дверью спальни.

– Клин или пять железок¹³? Сколько ударов до лузы? – спросил Гектор. Прыщавый смотрел на него, не понимая.

– Неважно. Я просто забавляюсь, – утешил его Гектор. – Кто дал вам контракт на Чарли Бина и познакомил вас с ДАГом?

– Запомню.

Гектор резко дернул за кабель, и Прыщавый завопил и снова сильно вспотел.

– Думай! – подбодрил Гектор.

– Букмекер, Эрон Хербстин, – всхлипывая, ответил тот. – Принимает ставки на собак на стадионах Ромфорд и Сандерленд.

– Спасибо, Прыщавый. Как букмекер Хербстин устроил вам randevu с ДАГом?

– Ранде что?

Прыщавый выглядел озадаченным.

– Встречу. Где и как вы встретились?

– Утром в прошлое воскресенье мы ждали у станции метро «Брикстон-роуд», он проехал мимо на машине и подобрал нас.

– Какая машина?

– Черный «форд».

– Номер запомнил?

– На хрена?

– Почему?

Прыщавый пожал плечами.

– Машина все равно краденая.

– Понятно. Вы сели в этот «форд» и увидели водителя. Расскажи, что вы увидели.

– Я увидел черного парня в забавной маске, – сказал Прыщавый.

– Маска Ричарда Никсона?

– Нет, это была маска Долли Партон¹⁴.

– Откуда ты знаешь, что он черный?

– Я смотрел на его шею. Она была черная.

– Что еще ты в нем заметил?

– Ну, он был маззи.

– Маззи? А что это?

– Мусульманин. Хаджи.

– Ты смог определить это по его шее?

– Нет, у него была татуировка, малик¹⁵.

– Что за малик?

– Ангел. Мусульманский ангел. Есть банда, которая называет себя маликами, потому что они считают себя воинами Аллаха и все такое прочее. Они делают такую татуировку и считают, что поэтому они особенные. Но они все равно уличная банда, как и мы, стараются заработать на хлеб. Обычно мы деремся с ними за территорию. Но на этот раз сделали дело. Этот парень-малик предложил нам пять штук, если мы сожжем старый дом.

– Мой дом, – сказал Гектор.

– Прости, дяденька. Если б я только знал, велел бы ему засунуть эти пять штук куда подальше, – торопливо заговорил Прыщавый. – Я знал, что он подписывает нас не от себя. Эти малики так всегда. Кто-то предлагает им десять штук за работу, они предлагают ту же работу за пять. Они дрянь, говорю вам.

---

¹³ Разновидности клюшек для гольфа.

¹⁴ Долли Партон (род. 1946) – американская кантри-певица и киноактриса.

¹⁵ Малик – в исламской ангелологии ангел ада (джаннам), охраняющий адское пламя вместе с 19 другими ангелами ада.

– И вы согласились?

– Ну да, и жаль, – печально сказал Прыщавый. – Я не знал про тебя и твою дочку. Но ведь пять штук – деньги. На них можно купить много еды. Этот малик сказал, что хозяин дома – старик, который и с девчонкой не справится.

– А теперь посмотри на себя!

Гектор дважды дернул кабель. Прыщавый завопил, голос его сорвался, и он взмолился:

– Пожалуйста, перестань. Я все рассказал. Только не дергай. – Слёзы побежали по его лицу, находя себе дорогу между прыщами. Связанными руками он не мог вытереть слезы, и они текли ему за воротник.

– Нет, ты рассказал не все, Прыщавый. Давай подробнее о татуировке малика. Опиши ее.

– Она на левой руке, на обратной стороне, размером примерно с десятицентовую монету. Вроде червя, выползающего из кучи дерьма. Я думаю, это какая-то мусульманская надпись. Не всем разрешено носить эту татуировку, только самым главным в каждой группе.

– Какого цвета татуировка?

– В каждой группе цвет разный.

– Ваш человек. Тот, что дал вам пять кусков. У него какого цвета?

– Он американец.

– Откуда ты знаешь?

– Ну, для начала он говорит как янки. Потом татуировка у него красная. Мы с Бронзо проверили, прежде чем подписаться на это. Красная татуировка означает группу из Калифорнии.

– Что он делает по эту сторону Атлантики?

– Не знаю. Может, он один из их капо, как Роберт де Ниро в кино.

– Ты не знаешь, как его зовут? – не отставал Гектор, и Прыщавый энергично покачал головой.

– Нет! Это все, что я знаю.

– А где пять тысяч фунтов, которые вы получили за работу?

– Не здесь. Я их с собой не взял.

– Я спросил тебя, где они, а не где их нет.

– Отдал своей девушке, чтобы сохранила для меня.

– У тебя есть девушка? Вряд ли я одобряю ее вкус. Ну все равно, у нее счастливый день. Она получила твои пять тысяч и больше никогда не увидит твою мерзкую рожу. Почему? Потому что, если мы не убьем вас, парни в синем закроют вас лет на двадцать-тридцать, а то и больше. Поджог и многочисленные убийства, не так ли? – сказал он, подражая выговору этого человека. – Вы, джентльмены, попали между жерновами.

Они, не понимая, смотрели на него.

Гектор повернулся к Насте.

– Им больше нечего сказать нам интересного. Как думаешь, Настя, голубушка, что нам с ними делать? Сам не соображу.

– Думаю, надо их убить. Позволь мне убить вот этого, с прыщами. Он сказал мне очень плохие слова, и я все еще очень-очень сердита на него.

– Было бы забавно посмотреть. – Гектор повернулся к Пэдди. – А что ты скажешь?

– У нас нет времени на этого говнюка. Давай сделаем, как предлагает Настя, и покончим с этим.

Гектор сделал вид, что задумался над решением. Оба пленника с тревогой смотрели на него. Наконец Гектор вздохнул.

– Чрезвычайно привлекательное предложение. Но тогда придется проводить большую чистку. Нелегко избавиться от двух трупов. Думаю, нужно проявить милосердие, дать им время

подумать и раскаяться в грехах; двадцать-тридцать лет гостеприимства ее величества для них в самый раз. Пойдет на пользу.

Он набрал номер 999. Через сорок минут из Винчестера примчались две полицейские машины.

Полицейские были очень вежливы и отнеслись к Гектору очень почтительно. Хорошо зная о его положении в обществе и об убийстве Хейзел, чтобы не усугублять его горя, они постарались провести арест побыстрее. Тем не менее ночь была долгой. Вначале Гектор настоял на том, чтобы остаться в Брэндон-холле, пока не будут устроены все его работники. Уже после полуночи пожарные отыскиали в пепле останки последнего, четвертого, человека.

Это был Рейнольдс, дворецкий, которого огонь застал в буфете. В последнее мгновение, прежде чем дым обволок его, он закутал голову противопожарным одеялом из аварийного комплекта. Лицо было почти не тронутو огнем и легко узнаваемо, но все тело от шеи и ниже почернело и обуглилось.

После того как пожарные уложили тело в зеленый мешок и застегнули молнию, Гектор повернулся и пошел к «рейнджроверу». Они поехали вслед за полицейскими машинами в Винчестер и дали там показания.

Задача была нелегкая, но они заранее отрепетировали, что будут говорить, и все прошло гладко. Гектор даже сумел внести в протокол, что преступники сознались в получении предыдущего заказа на убийство некоего Чарльза Бина с Пульсон-стрит, 16. Детектив, опрашивавший Гектора, извинился и ушел в свой кабинет к компьютеру. Вернулся он минут через десять. А когда сел на стул против Гектора, лицо его было мрачно.

– Я связался с центральным архивом. Имя и адрес совпадают; 5 марта, два года назад. Нераскрытое убийство.

Вдобавок Настя передала им отобранный нож и заявила, что преступник напал на нее с этим ножом и ей пришлось защищаться и обезоружить его. Офицер, записывавший показания, с уважением посмотрел на нее.

– Вы сломали ему запястье ударом ноги?

– Я старалась не применять излишнюю силу, – объяснила Настя.

– Я хочу сказать, вы такая маленькая, а он рослый!

Мало кто из мужчин способен устоять перед маленькой русской, когда она хлопает ресницами, словно невинное дитя.

Только в два часа ночи они смогли покинуть полицейский участок. Все много часов не ели и не спали, но их все еще поддерживал избыток адреналина. Гектор остановился у первого же «Макдоналдса» на дороге и принес большой мешок двойных чизбургеров и картонные стаканы с кофе. Они подкрепились и до дома № 11 вели оживленный разговор, пытаясь разобраться в обстоятельствах двух нападений на семью Гектора и в том, какую роль в этих попытках убийства играл загадочный калифорнийский бандит.

– Похоже, именно он вел фургон. Очевидно, он на следующей ступени иерархии. Двое на мотоцикле, убившие Хейзел, и эти двое поджигателей – рядовые бандиты. Они не знают, почему делают то, что делают. Не знали, кто отдавал им приказы. Просто слепо их выполняли. И это само по себе значимо, – сделал вывод Гектор.

– Почему? – спросил Пэдди.

– Хорошо, во время первого нападения они очень легко могли меня убить, но не воспользовались возможностью. Они отсекали меня от места действия, во всяком случае попытались. Очевидно, их приказ касался только Хейзел. Я их не интересовал. Почему? Может, вы мне объясните? Меня это беспокоит.

– Трудная задача, – согласился Пэдди.

– Если бы они рассуждали логически, их главной целью должен был стать я, а не Хейзел. Я убил главу их клана Хана Типпо Типа. Я также убил по меньшей мере пятерых его сыновей, в том числе Камалья и Адама, его любимцев. Я провел операцию «Троянский конь», в ходе которой уничтожил весь их пиратский флот. В их списке покупок я должен стоять на первом месте.

– Хейзел в их бедах виновата не меньше тебя, даже больше: ведь у нее была чековая книжка. Ты был просто ее наемным стрелком. Более того, именно она выстрелила в Адама во время казни, – заметил Пэдди.

– Верно, – согласился Гектор. – Но эти молокососы ничего этого не знали. А если бы знали, должны были бы убрать нас обоих. Почему они охотились только на нее?

– Гектор прав, Муслаки. – Гектора всегда смешило, когда Настя называла Пэдди «сахарным мальчиком». Он не мальчик и совсем не сахарный. – А как же эта ночь? На кого они охотились со своими зажигательными бомбами? На Гектора или на маленькую Кэтрин?

– Ты женился на очень умной красавице, – заметил Гектор. – Она абсолютно права. Почему прошлой ночью Зверь вдруг передумал и решил, что ему нужен я?

– Почему, как только газеты оповестили о рождении Кэтрин, на тебя снова напали?

Настя, казалось, была очень довольна собой.

– Ты хочешь сказать, что сегодня ночью они пришли не за Геком, а за Кэтрин? – Голос Пэдди звучал скептически. – По мне, это чушь. Что они выигрывают, убив новорожденного младенца?

Всю дорогу до Лондона спор продолжался. Они ходили кругами, придирались к мелочам, уничтожали теории друг друга и наконец пришли к выводу: ничего не получается. Зверь действовал иррационально, что было невозможно по определению. Зверь никогда не действует иррационально.

Когда проезжали через Вест-Энд, Гектор подвел итог.

– Я уверен только в одном: нужно как можно скорее убрать Кэтрин из Англии. Только когда мы поместим ее на верхний этаж небоскреба в Абу-Заре и взвод отборных людей Пэдди будет ее сторожить, я смогу ее оставить.

– Чтобы пойти – куда? И делать – что? – спросил Пэдди.

– Вместе с Тариком Хакамом отправиться в Мекку; найти последнего потомка Типпо Типа; схватить его и увезти в безопасное место, где я смог бы допросить его и оценить. Затем, если сочту его виновным, я отправлю его в адское пламя, из которого он вышел.

На то, чтобы собрать вместе и подготовиться к переезду в Абу-Зару, требовалось всего несколько дней. Личные нужды Гектора удовлетворялись просто: ему нужна была только зубная щетка и смена белья. Все необходимое для проведения второй фазы операции хранилась в кладовых «Кроссбоу секьюрити», в пустыне в ста милях к югу от Абу-Зара-Сити.

Главным образом его тревожило то, в чем он разбирался хуже всего: поставка всего необходимого для ребенка. Гектор призвал эксперта – Бонни Хепворт. Несмотря на поздний час, она немедленно откликнулась и появилась перед его столом в халате и с выжидательным выражением лица, как щенок, ждущий кости.

– Вы хотели меня, мистер Кросс?

– Я хотел вас видеть, – поправил Гектор. – Бонни, вы знаете, где Абу-Зара?

– Это отель, мистер Кросс?

– Очень холодно. Попробуем снова. Вы знаете, где расположены Объединенные Арабские Эмираты?

– Ну, вроде. Что-то слышала, но никогда там не была. – Она, казалось, не могла решить. – Кажется, где-то между Египтом и Индией.

– Очень тепло, – похвалил он. – Так вот, мы все отправляемся туда, вы с Кэтрин тоже.

– Боже. Работать на вас так интересно! Никогда не знаешь, что будет дальше.

– А дальше нужно написать список всего, что может понадобиться вам и Кэтрин в течение следующих шести месяцев. Помните, что достать в Эмиратах антибиотики нелегко, так что все нужно раздобыть здесь по моей медицинской карточке. – Гектор протянул ей карточку. – Закажите все необходимое, получите и будьте готовы через три дня. – Он помолчал, потом продолжил: – У вас есть действительный паспорт?

– О да, сэр. В прошлом году весной мы с девочками из госпиталя ездили на Пасху в Париж, тогда я и получила его.

– Прекрасно. Не забудьте захватить.

Он знал, что у двух младших нянечек документы для поездки есть. Хейзел позаботилась об этом, когда нанимала их.

Он подвинул по столу к Бонни свою кредитную карточку «Блэк Хэрродс».

– Этим платите за все. Пусть покупки доставят сюда. – Она пошла к двери, но Гектор остановил ее. – Я решил, что до отъезда в Абу-Зару Кэтрин будет спать в моей спальне.

– О боже! – встревожилась Бонни. – Кто будет кормить ее и менять ей пеленки?

– Я, – заверил Гектор.

– Я могу остаться с вами, просто чтобы помочь. Я совсем не против, – предложила она.

– Спасибо, Бонни. Но я уверен, что мы сами справимся.

Гектор полагал, что работа ночной няни, за которую он взялся, окажется тягостной и обременительной, но оказалось, что это скорее радость. Он приспособил ночник над своей кроватью так, чтобы он лил мягкий свет на Кэтрин, когда та лежала у него на руках. Она сосала молоко из бутылочки, а он наслаждался запахом дочки и ощущением маленького тела. Он искал в ее лице сходство с Хейзел и уверился, что нашел его в очертаниях губ и в маленького подбородка. И это каким-то образом смягчало его одиночество и ощущение утраты.

* * *

Знай своего врага; изучай его долго, старательно, а потом словно королевская кобра нанеси удар, стремительный и смертоносный: таков был принцип Гектора Кросса.

На следующее утро Гектор встал затемно, принял душ, надел халат, позвонил в детскую и вызвал Бонни.

Передавая Кэтрин няне, он сказал:

– Я договорился с миссис О’Куинн, она проведет день с вами и Кэтрин.

Настя с довольной легкой улыбкой приняла на себя обязанности телохранителя Кэтрин. Теперь, вверив Кэтрин заботам этих двух женщин, Гектор мог спокойно заняться другими делами.

– Я ненадолго уйду, но миссис О’Куинн позаботится, чтобы в мое отсутствие вам ничего не угрожало. Беспокоиться не о чем.

По-прежнему в халате он отправился в кабинет. Перед его письменным столом был устроен большой мраморный камин, под каминной полкой тянулся декоративный фриз из львиных голов. Гектор нажал на центральную голову и, услышав приглушенный щелчок скрытого механизма, повернул ее против часовой стрелки. Новый щелчок, пауза, потом книжный шкаф сбоку от камина неслышно и плавно повернулся и за ним открылась узкая стальная дверь. Гектор набрал пароль на электронном табло. Дверь открылась, и он вошел в небольшую комнату за ней. Вдоль стен по сторонам от двери от пола до потолка – полки. На полках аккуратные ряды картонных коробок, на каждой – ярлычок с кратким перечнем содержимого. В большей части коробок оружие и другие серьезные штучки; от ножей и дубинок до его любимого автоматического девятимиллиметрового пистолета «Беретта» с двумя сотнями патронов. По английским законам владеть почти всем этим строго запрещалось. Была даже коробка с надписью «Паспорта», и в ней около тридцати этих документов, выданных в разных странах, с

его фотографиями, но с именами от Абрахама до Захарии. Гектор дотянулся и снял с верхней полки коробку с надписью «Арабские костюмы».

Остальные коробки он не тронул. Закрыв дверь, запер и привел в действие механизм, который поставил на место шкаф. Коробку он отнес в свою гардеробную. Разделся до белья и следующие несколько минут с помощью тюбика косметики делал свою и без того смуглую кожу похожей цветом на кожу уроженца Ближнего Востока. Борода отросла и превратилась в густую темную щетину, и это увеличивало его сходство с ближневосточным жителем.

Вынув из коробки длинную белую дишдашу¹⁶, Гектор обвязал голову кефией, так чтобы ее хвост падал на плечи. Свой платиновый «Ролекс» он поменял на простые часы «Сейко» в стальном корпусе, обулся в открытые кожаные сандалии, надел на нос темные «авиаторские» очки и посмотрелся в зеркало.

«Сойдет», – решил он. Арабский у него был беглый и разговорный. Унаследованное чувство восточных обычаев и нравов безупречное. И в бытовой ситуации, и при отправлении религиозных обрядов он легко сойдет за мусульманина по рождению.

В своем частном лифте он спустился в подземный гараж. Во втором ряду среди машин стоял маленький, слегка потрепанный и казавшийся заброшенным седан. Но наружность обманчива. Гектор оснастил его тонированными стеклами, подвеской от гоночного автомобиля и мощным новым двигателем, способным очень быстро менять скорость. Гектор использовал эту машину в особых случаях вроде этого, когда не хотел привлекать внимание. Он называл ее «ловушка» – по судам ловушкам, которые во время Второй мировой войны приманивали немецкие подводные лодки и топили их.

Гектор включил мотор и несколько секунд слушал его низкий рев, потом по пандусу через откатные ворота выехал на улицу. Была пятница, и даже в такой ранний час поток машин был плотный. Пятница – это день, когда все мусульмане обязаны отправлять священные обряды. Он нашел стоянку в нескольких сотнях метров от большой мечети. Поставил машину и пошел к молельне. Толпа верующих двигалась в том же направлении, все в традиционных одеждах. Войдя в мечеть, Гектор оказался одним из множества. Он был здесь не впервые, поэтому знал внутреннее устройство здания. Вначале он вместе с остальными прошел к ряду каменных скамей перед чанами для омовения. Омыл руки и ноги, потом лицо. Сполоснул рот.

Час молитвы наступит еще не скоро, но молельный зал – масджид – уже заполнили ряды коленопреклоненных фигур в белом. Однако ближе к выходу еще нашлось несколько свободных мест. Гектор склонился на молитвенном коврике, едва не касаясь плечами соседей с обеих сторон.

Началась молитва, и Гектор погрузился в успокоительную череду поклонов и молений. Он не был атеистом: он слишком часто оказывался на волосок от смерти, чтобы знать, как хрупка и ничтожна жизнь человека. Он глубоко верил, что за чудесами Вселенной стоит какая-то управляющая сила, разворачивающаяся в бесконечности. В этом смысле он был верующим, однако не принадлежал ни к одной из распространенных конфессий. Он считал, что должен свободно выбирать из каждой доктрины то, что его привлекает и соответствует его взглядам на Бога и Вселенную. Для него христианство и ислам были в равной степени украшены бесценными бриллиантами красоты и истины, часто тождественными. И потому он в равной степени ценил обе религии. Сейчас он молился совершенно искренне, особенно за Хейзел, куда бы та ни ушла. И ощутил в себе новые силы, когда молитва завершилась.

Он покинул главный зал и углубился в соседние помещения. Миновал несколько ниш, в которых муллы мечети ждали верующих, взыскующих духовного руководства и совета. Человека, которого искал, Гектор нашел в конце второй колоннады; его глаза в сетке мелких мор-

¹⁶ Дишдаша – традиционная мужская долгополая рубаша с длинными рукавами у арабов Кувейта – белого цвета (в праздники и в жару), серого или синеватого (в холодное время года).

щин смотрели остро и проницательно, седая борода была выкрашена в рыжий цвет. В нем чувствовалась некая незыблемость, словно он находился здесь уже очень давно. Гектор вошел в нишу и поклонился.

– Ассалям алейкум!

– И тебе мир!

Они обменялись приветствиями и мулла показал на коврик, расстеленный перед низким столиком, где лежал зачитанный Коран и другие религиозные тексты и комментарии. Гектор сел перед ним скрестив ноги, и какое-то время они разговаривали о мирском. Мулла почти сразу определил его выговор.

– Ты из Восточной Африки? Может, из Сомали?

Гектор развел руками, подтверждая. Арабскому языку его учил Тарик Хакам родом из Пунтленда, и Гектор усвоил акцент от него.

– Это так очевидно, шейх? – спросил он, используя уважительное, почтительное обращение. – Я много лет живу в этой стране.

Мулла понимающе улыбнулся.

– Чем же я могу помочь тебе, сын мой?

– Отец, я собираюсь вскоре совершить паломничество в Мекку. Иншалла!

– Машалла! Да будет так, – произнес старик.

– Я слышал, что в той стране есть мулла, который когда-то проповедовал в этой самой мечети, где мы сидим. Люди, слышавшие его, говорили, что, несмотря на свою молодость, этот мулла – человек великой святости и мудрости. Скажи мне, знал ли ты этого человека, когда он был здесь, и, если я отправлюсь послушать его, окупятся ли мое время и расходы на поездку в Мекку. Я также хочу знать, не идут ли его проповеди вразрез с учением пророка Мухаммеда.

– А кто этот мулла, сын мой? Пожалуйста, назови его имя.

– Его зовут Азим Мухтар...

Не успел Гектор договорить, как лицо муллы озарила радость. Он хлопнул в ладоши и воскликнул:

– Именем Аллаха и пророка его Мухаммеда, да будут они вечно благословенны! Ты говоришь об Азиме Мухтаре Типпо Типе.

Гектора удивила его бурная реакция.

– Ты его знал? – спросил он.

– Я знал его, как знаю своих сыновей, и жалею, что он не мой сын.

– Ты восхищаешься им, отец?

– Азима Мухтара словно коснулась рука Джабраила, главного ангела Аллаха. – Мулла почтительно понизил голос. – Ему дана способность видеть то, чего не видят другие. Он наделен мудростью, которая позволяет ему понять то, чего не понимают другие. Сердце его полно любви к Аллаху и любви к другим людям.

– Значит, ты считаешь, что я должен его послушать?

– Упустив такую возможность, ты будешь сожалеть об этом до конца дней. Голос его подобен голосам лучших музыкальных инструментов, пению ветра в ветвях кедра на горе Хороб, горе единственного Бога.

– Опиши мне его, отец, чтобы я мог узнать его, когда впервые увижу.

Мулла сложил кончики пальцев и поджал губы, словно обдумывая вопрос, потом заговорил.

– Он высок, но не слишком. Строен и движется с грацией леопарда. У него широкий и высокий лоб. Бороды и усов еще не коснулся мороз лет. У него хороший нос, крепкий, как клюв орла. Взгляд острый, но ласковый, беззлобный. Короче, он красив, но не смазлив.

К удивлению Гектора, мулла вдруг заговорщицки огляделся, потом наклонился и понизил голос.

– Многие верят, что этот человек Махди, мессия, о котором в пророчествах говорят, что он появится перед концом света, Освободитель, который утвердит царство мира и праведности. Возможно, когда ты его слушаешь, ты согласишься с ними. Если так, то, вернувшись в Лондон, приходи ко мне, и мы снова поговорим.

Гектор смотрел на него, и предстоящий ему путь вдруг начал драматически меняться.

Ничего прямого и простого, как ему сначала казалось, не было. Во всем открывалось много уровней и тайных глубин.

Вечером перед ужином Гектор, Пэдди и Настя собрались в гостиной. Как обычно, мужчины в смокингах, а Настя с бриллиантовым ожерельем в ложбинке между высокими грудями, глаза сверкают, щеки покраснелись. Пока Гектор наливал ей в высокий бокал «Дом Периньон», Настя сообщила:

– Дети великолепны. Раньше я этого не понимала.

– Все дети? – поддразнил Пэдди. – Или один определенный ребенок?

– Не валяй дурака. Я знаю только одного ребенка. Она замечательная. Я кормила ее из бутылочки и даже поменяла ей пеленки. Никогда не думала, что смогу это делать, но няня показала как. Я думала, меня вырвет. Но знаете? Оно почти не пахнет.

– Если не возражаешь, любимая, нам предстоит насладиться одним из легендарных ужинов Гека. Нельзя ли обсудить что-нибудь более соответствующее вместо детских испражнений? – возразил Пэдди и торопливо сменил тему. – Сегодня я разговаривал с принцем Мухаммедом об аренде верхнего этажа «Сискейп мэншн». Конечно, принц сказал, что есть другой желающий и он предлагает более высокую цену. Мы с ним поторговались, но в конце концов я уговорил его снизить стоимость аренды на 10 процентов, и мы ударили по рукам. Квартира твоя, Гек. Другая хорошая новость – в здании всего двенадцать жильцов, и все они либо члены королевской семьи, либо члены правительства Абу-Зары, чаще и то, и другое. Принц утверждает, что система безопасности надежна и непреодолима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.